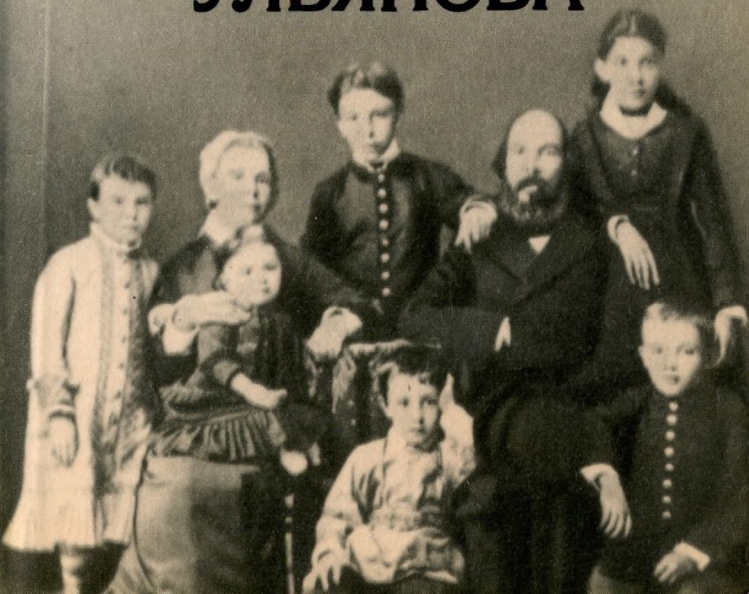

Серия
«СЕМЬЯ
УЛЬЯНОВЫХ»

ОЛЬГА УЛЬЯНОВА

Серия
«Семья
УЛЬЯНОВЫХ»

Р. Ковнатор

ОЛЬГА УЛЬЯНОВА

Издание 2-е

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

13.50

К56

Ковнатор Р. А.

К56 Ольга Ульянова.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1979.

135 с., ил.— (Семья Ульяновых).

О безвременно умершей сестре Владимира Ильича Ольге написано очень немного. А она была самым близким другом его детства и юности.

Эта книга воссоздает образ необыкновенно одаренной девушки, настойчивой и целеустремленной.

Автор книги Р. А. Ковнатор много лет отдала поиску и изучению архивных материалов и воспоминаний о семье Ульяновых.

Книга рассчитана на массового читателя. Первое ее издание было тепло встречено читателями и прессой.

К $\frac{10604-009}{079(02)-79}$ 305—79 0505000000

13.50
3К26

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

Дмитрий Ильич Ульянов писал о своей сестре Ольге, которая умерла, не достигнув двадцати лет: «О ней мало известно, между тем это был самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юношества. Она была моложе брата, но не отставала от него по развитию».

В 30-е годы сестры Владимира Ильича задумали запечатлеть облик Ольги, рассказать о ее детстве и ранней юности, о богатых возможностях ее личности, не успевшей развиться. Анне Ильиничне Ульяновой-Елизаровой принадлежат заметки «Первая подруга Владимира Ильича» (1931 год, хранятся в Доме-музее В. И. Ленина в Ульяновске). Мария Ильинична Ульянова также собирала биографический материал о сестре Ольге.

В Ульяновске до глубокой старости жила лучшая школьная подруга Ольги Ильиничны — Александра Феодосиевна Щербо. Дочь врача, она более сорока лет проработала народной учительницей и через всю жизнь пронесла светлую память о своей подруге, сохранила ее письма.

О письмах Ольги Мария Ильинична писала, что в них «видна ее глубокая и серьезная натура», что Ольга была «незаурядная личность». Мария Ильинична просила А. Ф. Щербо «написать немного об Оле. Ведь Вы так близко знали ее, а для характеристики ее важен каждый факт, каждая маленькая черточка». Мария Ильинична подчеркивала важность этой работы. «Да и для биографии Владимира Ильича это имеет значение, потому что Ольга была его другом детства, ближе всех нас подходила ему по возрасту».

Ольга Ильинична Ульянова была на редкость одаренным человеком. Воспитанная в духе высоких гуманистических принципов, она с ранней юности мечтала о том, чтобы приносить «существенную пользу» народу, посвятить себя науке.

Думая о своем жизненном призвании, она писала: «В душу человека вложено стремление к истине и к идеалу. Из этого я заключаю, что человек должен всегда верить в людей, в возможность лучшего на земле, несмотря на личные разочарования, потому что так уж он создан. А если не верить в людей, не любить их, тогда для чего же жить».

В этих чистых и непреклонных словах ярко выражен образ передовой русской девушки. Преждевременная смерть не дала осуществиться ее мечтам и планам.

Но поразительная по глубине и цельности натура, самоотверженно преданная нау-

ке, мечтавшая о служении и подвиге во имя народа, Ольга Ильинична по праву разделяет честь и бессмертную славу семьи Ульяновых.

В этой брошюре сделана первая попытка рассказать о короткой, но прекрасной, насыщенной духовной жизни О. И. Ульяновой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Детство. Любимые игры. Начало учения. В гимназии.

1

4 ноября 1871 года в Симбирске в семье Ульяновых родилась девочка. Ее называли Ольгой.

О том, какая это была дружная и счастливая семья, ныне знают, кажется, все. В семье этой дети росли и воспитывались парами: Александр и Анна, Владимир и Ольга и младшие — Дмитрий и Мария.

Володя — крепкий, коренастый, на полтора года старше Ольги. Оля — миниатюрная, худенькая, но здоровая девочка. Она мало болела, рано начала ходить и ни в чем не отставала от брата, с которым была неразлучна. В отличие от старшего брата и сестры, которые были нрава тихого и задумчивого, вторая пара — резвая, шаловливая. Неистощимые на выдумки, Владимир и Ольга любили шумные игры и целыми днями гоняли по саду и двору, лазали по деревьям.

Оля беспрекословно слушалась старшего брата. Любимым занятием Володи, вспоминала няня, было ставить ребятишек «во фронт» и командовать ими. Даже дома с

сестрой Олей он то и дело играл в солдаты. Загонит Олю под диван, встанет по-военному и приказывает: «Шагом марш из-под дивана!»

Они любили тайком от взрослых отсиживаться в сарае, забираться на чердак и вести там необыкновенно увлекательную игру в индейцев. Часто принимали в игру и младшего — Дмитрия. Это запомнилось Дмитрию Ильичу на всю жизнь. Уже в зрелые годы он писал: «Помню, как-то однажды я забрел в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-желтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костер, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зеленый лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что все это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооруженный луком и стрелами и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя

свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа... Мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые» люди, которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, еще страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать черного хлеба с солью... Я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым» людям и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куска черного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, замечая свой след... Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с легкой лопаточкой на одном конце и тяжелым куском черного вара на другом».

Но фантазии Володи и Ольги не всегда носили столь поэтический и безобидный характер. В семейных преданиях хранили и такой эпизод. Как-то Мария Александровна, вообще редко отлучавшаяся вечерами из дома, ушла и поручила Анне и Александру присмотреть за младшими. А те быстро раскусили нерешительность своих старших наставников поневоле и расшалились во-

всю. Анна Ильинична рассказывает в своих воспоминаниях, как они с братом устроили нечто вроде «военного совета» и стали раздумывать: как быть?

«— Они еще, пожалуй... калошами кидаться станут? — опасливо предположил кто-то из нас. Ухо младших уловило это опасение, и — бац! — калоши полетели в чистенькую зальцу, в диван, только что обитый красным, с разводами, ситцем...»

Мария Александровна была воспитательницей своих детей в самом высоком значении этого слова. Человек яркого воображения, она не снисходила до детей, а с искренним увлечением включалась в детскую жизнь, в детские интересы и радости. Про чудесные игры, придуманные ею, уже взрослая Анна Ильинична писала: «Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых поэтических минут, как... бесхитростная игра с нами матери».

Прекрасно понимал значение игры для развития личности ребенка Илья Николаевич — передовой педагог, знаток детской психологии. В семье Ульяновых играли в самые разнообразные игры, во время которых Владимир и Ольга всегда выступали солидарно.

В Кокушкине, куда семья выезжала на лето, в непогоду или когда сильно донимала усталость, устраивали «сидячие игры». Ими обычно, к великой радости ребят, руково-

дил Илья Николаевич. Владимир и Ольга и здесь проявляли находчивость и смекалку.

Родители выписывали лучшие детские журналы того времени — «Родник», «Детское чтение». В них помимо художественного и исторического материала печаталось много естественнонаучных очерков, из которых можно было почерпнуть полезные и разнообразные сведения о жизни и развитии природы. В журналах давались советы для тех, у кого умелые руки, пропагандировались «игры подвижные и домашние». В семье увлекались разного рода ручными работами: вышиванием, выпиливанием и т. п. Мария Александровна, образцовая хозяйка и искусная рукодельница, прививала эти навыки своим детям.

В каретном сарае Володю часто заставляли за работой: он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули — делал их по чертежу, помещенному в журнале «Детское чтение», — на которых любил потом расхаживать.

Оля вышивала гладью и крестом, хорошо рисовала. Мите мама показывала, как надо обращаться со швейной машиной. Маня училась вязать.

Для «сидячих игр» в журнале печатались загадки, головоломки, шарады, шуточные вопросы. Было над чем голову поломать...

Из меди, из рога, из льна, из стекла,
Снжу у порога светла и кругла.
К земле приникаю единым ушком
И только впускаю хозяина в дом...

Пожалуй, не сразу догадаешься, что это пуговица.

Или: «Пять камор в одном покое — отгадайте, что такое?»

Над некоторыми вопросами хоть и смеялись, однако не сразу находили ответ. Например: какой месяц короче всех? Так и хотелось сказать: февраль, а оказывается — нет: май, в нем только три буквы.

А вот шутливый вопрос: «Почему самый искусный живописец не может нарисовать веселой собаки?» — «Потому что веселая собака всегда хвостом виляет».

Была и такая игра: написать рассказ, в котором все существительные обязательно должны начинаться с одной буквы, например с буквы «б». «...Я из Бухары, торгую булками и булавками и еду в Бузулук» и т. д.

Игры развивали у ребят смекалку, остроумие.

2

Мария Александровна была первой учительницей своих детей. Владимир Ильич научился читать в пятилетнем возрасте. Оле исполнилось четыре года, когда, «шутя и иг-

рая», она научилась грамоте. С удивительной легкостью заучивала она наизусть стихотворения и рассказывала их всем, кто ни попросит. В пять лет она знала наизусть такое длинное стихотворение, как «Сказка о воробье, который делал в жизни все, что мог».

Анна Ильинична писала о широком распространении этой бесхитростной сказки, о том сильном впечатлении, какое она производила. Человек одного с Олей поколения, писатель В. В. Вересаев в раннем детстве тоже испытал на себе благотворное воздействие этой сказки. В своих «Воспоминаниях» он излагает содержание сказочки и мораль, которую из нее извлекали:

«Молодой воробей услышал, как поет соловей, как все им восхищаются, потом увидел красавца-павлина, — тоже всех приводил в восторг. Грустный прилетает воробей домой и жалуется матери: нет у него ни голоса хорошего, ни красоты, ни для кого он не привлекателен. Мать ему отвечает, что внешние дары — не в нашей власти, но что всякий может, если хочет, делать окружающим добро, и тогда все будут его любить. И вот: сидит в чердачной своей комнате швея, грустно задумалась о своей жизни и плачет. Молодой воробей сел на подоконник, стал весело чирикать. Швея взглянула, улыбнулась сквозь слезы, утерла глаза, стала слушать и забыла о своем горе. Так молодой воробей и начал жить и везде, где только мог, делал всем добро: выкармливал

выпавших из гнезда птенцов, носил еду больным птицам, пел песни обездоленным.

Но увы! однажды съел он
Ядовитое зерно.

И умер. И вот его хоронят. Все птицы идут за гробом. И сам соловей — гордый, великолепный соловей — говорит над его могилою речь: умерший не выделялся красотой, не было у него звонкого голоса, но он был лучше и достойнее всех нас, у него было то, что дороже и красоты и всяких талантов:

Он был добр, он был полезен,
Делал в жизни все, что мог...

Сколько раз я эту сказку ни перечитывал, и каждый раз, при описании похорон и речи соловья, истекал, захлебывался слезами. И когда больно бывало от чего-нибудь самолюбия, когда чувствовал я себя серым и никому не интересным, у меня вставала мысль: этой возможности, какая была у воробья, никто не сможет отнять и у меня».

В семье Ульяновых с ранних лет прививали детям любовь к книге, к литературе. Родители горячо поддерживали инициативу старших детей и помогали им в выпуске домашнего рукописного журнала «Субботник». Его редактор — Александр, главная «критическая сила» — Анна. Самыми молодыми «сотрудниками» были Володя и Ольга; они избрали себе литературные псевдонимы: Володя — Кубышкин, а Оля, прозван-

ная за проворство и живость обезьяной,— Обезьянков. Под кривыми карандашными строчками своих сочинений она крупными буквами подписывалась: «Абезьянков».

Однажды в журнале появилась довольно острая карикатура на Олю. Оля не любила ложиться спать раньше старших. «Она уверяла,— пишет Анна Ильинична,— что никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами». Вот редактор и изобразил отчаянно ревущую девочку. Подпись гласила: «Оля, посылаемая спать».

Когда Володя начал готовиться к поступлению в гимназию, его учитель стал учить писать и маленькую Олю. Позже, в школьные годы, Ольга в сочинении «Как я училась грамоте» рассказывала:

«Учитель мой был очень добр, и я всегда с удовольствием шла к нему заниматься; но с меня не взыскивали за плохо написанный рассказ или за шалости, а так как я сама была еще мала, чтобы понять, что меня учат для моей же пользы,— то я больше любила разговаривать с учителем о чем-нибудь, чем писать...»

Когда брат поступил в гимназию и «начались классы в школе», Олю стала учить мать. Мария Александровна «взыскивала» с маленькой своей дочки и приохотила ее к учению.

Семи лет Олю определили в 3-е отделение первого женского приходского училища. Она занималась у Веры Павловны Прушакевич. Это была образованная учительница,

принадлежавшая к близкому педагогическому окружению И. Н. Ульянова.

Проучилась Оля лишь один год: родители нашли, что она еще слишком мала для 4-го отделения. Правда, она не только не отставала от старших девочек, но даже выделялась среди них своими способностями и начитанностью. За письменное изложение какой-то библейской истории учитель написал на ее тетрадке: «Молодец». «В школе мне было очень весело,— вспоминала Оля,— оттого что у меня было много подруг».

Девочка очень огорчилась, когда ей пришлось временно оставить школу. Дома с ней занималась старшая сестра Анна. Требовательная, строгая, она, однако, была довольна своей маленькой ученицей. Оля занималась охотно, была очень исполнительна.

3

18 августа 1883 года Илья Николаевич Ульянов подал прошение «Его высококородию господину начальнику Симбирской Марининской женской гимназии» о допущении его дочери Ольги к испытаниям для поступления в 4-й класс гимназии. Оле было тогда 11 лет. Вступительные экзамены она выдержала успешно.

В женской гимназии обозначение классов шло по нисходящей линии: так, младший класс был 7-й, а выпускной — 1-й. Отметки же шли по восходящей, но, в отличие от

мужской гимназии, где высший балл был 5, в женской высший балл был 12. Значение баллов было такое: 12 — отлично; 11 — весьма хорошо; 10 и 9 — очень хорошо; 8 и 7 — хорошо; 6 и 5 — посредственно; 4 и 3 — слабо; 2 и 1 — худо.

При поступлении Ольга Ульянова получила хорошие отметки: по русскому языку — 12; по иностранным языкам: французскому — 11, немецкому — 10; по математике — 10; по истории и географии — 11; по естествознанию — 10.

Наряду с большими способностями Ольге были свойственны исключительное прилежание и трудолюбие — черты, которые Илья Николаевич и Мария Александровна настойчиво прививали детям. Ольга в гимназии училась отлично и неизменно переходила из класса в класс с наградой первой степени — «За благонравие и успехи».

Условия для получения награды (особенно первой степени — книги с похвальным листом) были достаточно жесткие. В годовом аттестате надо было иметь в среднем выводе по всем вообще предметам не менее 11 баллов и ни по одному предмету нельзя было иметь менее 9. Оценка по поведению должна была быть только 12 баллов.

Ольга Ульянова не только удовлетворяла этим данным, но ее успехи даже превосходили их: ее средний годовой балл был 12. «За благонравие и успехи» Ольга была награждена сочинением И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»», книгой «Русские поэты в био-

графиях и образцах». Эта хрестоматия, составленная Николаем Васильевичем Гербелем, являлась в то время наиболее полным сборником лучших произведений русских поэтов, начиная с Кантемира и кончая поэтами 70-х годов XIX века. Книга ставила своей целью воспитание гуманистических и патриотических чувств в сердцах юных читателей; к ним обращался Гербель с прощновенными словами:

Вам, чистые сердцем, вам,
 любящим Русь...
Вам новый мой труд посвящаю!..

Ольгу Ульянову наградили и другой книгой, вышедшей под редакцией Н. В. Гербе-
ля,— «Немецкие поэты в биографиях и об-
разцах». Эта книга и сейчас хранится в лич-
ной библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

Мариинская женская гимназия в те годы, когда в ней обучалась Ольга Ульянова, была привилегированным учебным заведением. Так, по отчету на 1 января 1885 года, в гимназии обучалось 332 девочки, из них детей дворян было 188, сельского сословия — только 8. Царское правительство стремилось регулировать классовый состав учащихся; одним из наиболее действенных способов не допускать «кухаркиных детей» в средние и высшие учебные заведения была высокая плата за учение. В Симбирской мужской гимназии она равнялась 30 рублям в год с

ученика. В Мариинской женской гимназии плата за учение была еще выше — 45 рублей в год; только во втором (то есть предпоследнем) классе Ольга Ульянова, «самая лучшая ученица в классе как по успехам, так и поведению», была переведена на стипендию и освобождена от платы за учение.

В отличие от мужской классической гимназии, в женской не преподавали древние языки и логику, зато были такие предметы, как рукоделие и педагогика. В выпускном, первом классе гимназисткам преподавалась дидактика, содержащая не только теоретический, но и большой практический раздел: оканчивающие женскую гимназию получали звание домашней учительницы и право учительствовать в народной школе.

По табелям Ольги Ульяновой во все ее гимназические годы трудно выделить предметы, к которым она имела наибольшую склонность или в которых наиболее ярко проявились ее способности. Мария Ильинична рассказывала, что Оля отличалась выдающимися способностями по математике и этим очень походила на старшего брата Александра.

Оля также очень любила историю и литературу. Историю вел Николай Петрович Моржов — учитель мужской классической гимназии. Это был талантливый преподаватель. Гимназисты и гимназистки высоко ценили своего учителя и относились к нему с уважением и любовью.

Ольгу Ильиничну увлекала история; уже по окончании гимназии она вместе с Владимиром Ильичем читала серьезные исторические труды. Несомненно, знания, полученные ею в гимназии, способствовали пробуждению интереса к истории.

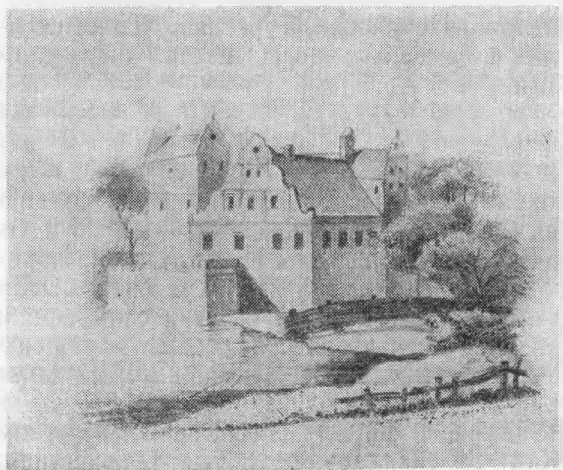
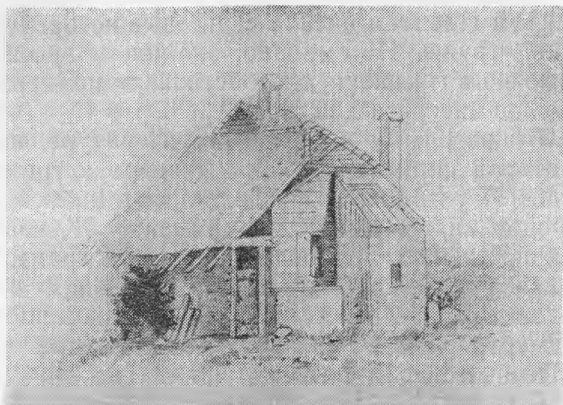
В программу по русской литературе, по которой занимались ученицы в первую треть 1886/87 учебного года, входили: Ломоносов, Фонвизин, Державин, Карамзин, Жуковский, Крылов, Грибоедов. Есть в программе раздел «Об эпической поэзии и условиях ее развития. Рассказ исторический и эпический (смерть Олега по летописи Нестора и «Песнь о вещем Олеге» Пушкина)».

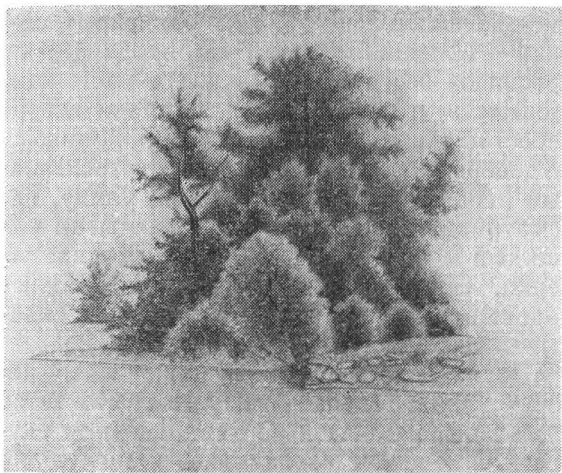
С большим интересом относилась к литературе Оля Ульянова. Произведения корифеев русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Толстого — были в семье Ульяновых настольными книгами.

4

Сохранилось несколько школьных сочинений Ольги Ульяновой, написанных ею в отроческие годы. По ним видно, что она хорошо владела языком, излагала свои мысли логично, доказательно. В этих сочинениях, при всей их непосредственности, выражены те нравственные убеждения, которые были привиты Ольге в родительском доме.

Задано, к примеру, сочинение на тему «Как развивалась скупость Плюшкина».

Бережливость — черта, которую уважали в семье Ульяновых. Но Плюшкин отвратителен тем, пишет Ольга, что он «постепенно превратился из бережливого хозяина в скрягу. По своим душевным качествам он стал ниже животного, потому что и бессмысленные животные выражают более любви к своим детям, чем ее выражал Плюшкин...».

Ольга пытается проследить развитие характера Плюшкина: «Плюшкин не был добр и гостеприимен... На старости лет Плюшкин остался один. Старость и одиночество представляют хорошие условия для развития скупости: скупость Плюшкина начала быстро развиваться. Хотя произведений такого имени, какое было у Плюшкина, было

гораздо больше, чем нужно одинокому старику — Плюшкин ничего не продавал: он просил за все вдвое больше его настоящей стоимости, и потому все покупщики вскоре перестали ездить к нему... Плюшкин никому не доверял и всех упрекал в воровстве. Каждый день Плюшкин выходил на улицу, где осматривал каждую колею, заглядывал под каждый мостик и все, что там находил: черепки, тряпки, палки, старые изорванные подошвы и т. п. нес к себе в комнату и складывал там в кучу».

«После него,— с иронией пишет юный автор,— улица делалась так чиста, что ее не нужно было и мести. С каждым днем скупость Плюшкина усиливалась и заглушала все другие чувства».

Порок наказывается,— это твердо усвоила Ольга Ульянова, и потому ее рассказ о Плюшкине кончается назидательно: «Жизнь его (Плюшкина) была постоянное лишение себя всего, даже самого необходимого, и сделалась не только тягостной для него, но и для всех окружающих, которые должны были сносить его необузданную страсть».

Интересно сочинение Ольги на тему «Бытовые черты в сказках «Емеля-дурачок» и «Морозко»».

«В сказке «Емеля-дурачок»,— пишет она,— показывается отношение старших братьев к младшему — Емеле-дурачку. Братья стараются извлечь для себя пользу из глупости и покорности дурака: он у них ра-

ботник и должен во всем их слушаться». Такое жестокое обращение возмущает добрую душу Ольги: она не может мириться с несправедливостью.

Но наиболее ярко, хоть и простодушно, она высказала свои жизненные наблюдения, свои мысли о воспитании при разборе сказки «Морозко». Ольга пишет об отношении мачехи к падчерице, которую та не любит: «...за всякую вину бьет ее, часто без причины сердится на нее, никогда ее не приласкает и относится к ней, как к совсем чужой для нее девочке-работнице». Совсем иное отношение к родной дочери. «Мать сосредоточивает на ней всю свою любовь; излишняя материнская нежность не позволяет мачехе давать девочке хотя небольшую работу».

Серьезно, совсем по-взрослому рассуждает Ольга в своем сочинении о недостатках воспитания, которое наносит непоправимый вред. Мачеха, «женщина грубая и необразованная, полагает, что составит счастье своей дочери, но ошибается. Девочка, не приученная ни к какому делу, избалованная матерью, ко всем относится холодно и безучастно; она привыкла, чтобы все заботились о ней, а сама не привыкла заботиться о других».

Эти рассуждения подсказаны Ольге опытом жизни в семье, где с раннего детства, окруженные разумной любовью и родительской заботой, дети приучались к делу, привыкали заботиться об окружающих.

В сказке по-разному складывается судьба девушек. Одна, дочь мачехи, чрезмерно избалована, «эгоизм ее всех от нее отталкивает, и она обыкновенно бывает несчастною. Падчерица, напротив, приучена к работе, скромна, терпелива и ко всем ласкова, зная, как много отрады доставляет ласковое слово и как много горя доставляет холодное, безучастное слово. Эти черты характера падчерицы привлекают к ней всех, и она достигает счастья, вполне ею заслуженного».

Примечательна эта назидательность в сочинениях Ольги: она говорит о высоких моральных устоях девушки.

5

Ольгу Ульянову очень любили в гимназии. «Она была маленькая, худенькая, смуглая, кудрявая, очень живая и ласковая девочка» — так рисовали ее классные подруги. Одна из них, Александра Феодосиевна Щербо, и на склоне лет вспоминала о том неизгладимом впечатлении, которое производила Оля: «...что-то в ее темных, спокойных глазах, в ровной походке было особое. Ульянову вызывали, и что ни спросят, все так гладенько, так спокойно отчитывается... Знала она и отвечала не как заученное, а как-то ясно и просто».

Ольга была первой ученицей, но никогда не хвасталась этим, не стремилась выделиться, наоборот, всегда была готова прийти

на помощь подругам. Ольга Петрова записала в своем дневнике: «У нас в классе все уважают Олю Ульянову. Она никогда не отказывается объяснить нам трудные задачи».

Оля «была хотя с виду и замкнутая, но замечательно отзывчивая и выдающихся способностей», — вспоминала Катя Арнольд.

А когда Ольга сама становилась в тупик и не могла что-то объяснить, она говорила девочкам: «Пойдем спросим Володю. Он знает! Он все знает!»

Оля любила брата и гордилась им. Гимназическая подруга Ольги Аня Орлова рассказывала о таком эпизоде их юности: «В школьные годы Володя Ульянов очень любил кататься на коньках. Зимой он почти каждый день ходил на каток. Сидишь у окна и видишь — идет он с коньками... Шинель на нем длинная, сшитая с запасцем на будущий рост... Ольга придет ко мне и скажет: «Нюра, пойдем на каток. Посмотрим, как Володя катается...» Быстро соберусь и пойдем. Увидит Володя Ульянов, что мы на каток пришли, и подкатит к нам, сделав при этом по льду замысловатую фигуру. Ольга приходит в восторг: «Ах, как хорошо! А ну-ка еще раз так прокатись!» Через минуту Володя Ульянов катит к нам по льду кресло. Ольга садится в кресло, и брат долго катает свою любимую сестру. Потом катает и меня».

Девочки стеснялись Олиного брата — серьезного, начитанного, хотя он относился

к ним по-товарищески. Та же Аня Орлова рассказывает: «Придем с просьбой проверить. Володя Ульянов засмеется. Потом проверит и толково разъяснит». Саша Щербо вспоминала, как однажды Владимир Ульянов, уже будучи гимназистом последнего класса, пошел проводить ее домой: «Он меня расспрашивал об учителях так серьезно, деловито, что я робела и не знала, как получше сказать».

Однажды Оля заболела. Сидеть дома — «скука ужасная». Она жаждет узнать классные новости, беспокоится о том, была ли французская диктовка, и посылает с Владимиром записочку своей подруге Юстиновой. Но роль почтальона он выполнил не очень удачно, о чем не без юмора Ольга пишет в другой записке: «Брат сообщил мне, что *не он от Вас убежал* (курсив О. У.), а Вы от него. Это можно объяснить взаимной храбростью».

Олины подруги любили бывать в дружной семье Ульяновых. Забегали запросто — то в связи с уроками, то посидеть в саду, полюбоваться цветами: дети выращивали их под руководством Марии Александровны, и Оля так чудесно, так увлекательно рассказывала о цветах — просто заслушаешься.

Мария Александровна любила природу, музыку и эту любовь к прекрасному передала своим детям. Музыкален был Владимир Ильич, большими музыкальными способностями обладала и Ольга Ильинична, у нее был приятный голос. Когда собирались

подруги, они пели под аккомпанемент матери, музицировали.

Публичных концертов в Симбирске не было, зато приезд оперы являлся настоящим праздником. В апреле 1885 года в Симбирске гастролировала оперная труппа известного антрепренера П. М. Медведева. Владимир и Ольга Ульяновы любили театр; вместе с Олиной подругой Александрой Щербо покупали в складчину дешевую ложу на 3-м ярусе и с восторгом слушали «Русалку» Даргомыжского, «Травиату» и «Аиду» Верди, «Фауста» Гуно, «Гальку» Монюшко. Мария Александровна поощряла и посещение драматического театра, особенно классических пьес.

Мария Александровна стояла в стороне от «светской» жизни чиновничьего общества; она жила интересами детей, стремилась к всестороннему духовному развитию их.

Брак Марии Александровны и Ильи Николаевича был на редкость гармоничным. Искренняя, возвышенная любовь родителей окрашивала своим светом и жизнь детей. Они росли бодрыми, жизнерадостными, и друзья любили бывать у них в гостях. «Завтра пойдем с Катей к Ульяновым на елку,— записывала в своем дневнике Ольга Петрова.— У них всегда очень весело».

Новогодний праздник отмечался в семье особенно торжественно; родители были его активными участниками и организаторами. Все украшения, подарки под наблюдением и с помощью матери делали сами дети. Вот

когда можно было отличиться, проявить собственный вкус! В семье почти не было купленных игрушек: и куклы, и кубики, и солдатики были самодельные.

И вот впечатления от прошедшего праздника:

«Были у Ульяновых,—вспоминает Катя Арнольд,—Оля позвала почти всех наших девочек. Илья Николаевич сам зажигал елку, танцевал с нами, и мы с ним играли в разные игры: в жмурки и в кошки-мышки. Мария Александровна играла нам танцы.

Играла с Олей в 4 руки — Оля очень хорошо играет на рояле. Я играла в нижнем регистре, а Оля — ведущую партию. Были и мальчики, товарищи Володи. Так было весело, не хотелось уходить домой».

«Играла с Володей в шахматы. Я плохо играю, Володя смеется, говорит, что я делаю глупые ошибки»,—рассказывала другая подруга.

В доме Ульяновых все любили играть в шахматы. Здесь были шахматы, выпиленные Ильей Николаевичем на токарном станке еще в Нижнем Новгороде. Страстный шахматист, Илья Николаевич научил этой игре своих детей. Володя начал играть в шахматы лет восьми-деяти, а в пятнадцать он уже обыгрывал отца. С младшими Володя играл серьезно и без уступок: он был строгим учителем. При легком выигрыше говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Так мирной чередой текли годы учения.

Вот перед нами «Альбом для стихов»... Кто из провинциальных гимназисток дореволюционной России не помнит такой заветной книжечки! На обложке — тисненый цветок; внутри — с переводных картинок алая роза или бледно-голубая незабудочка и популярный «стих»: «Кто любит более меня, пусть пишет далее меня!»

В этих альбомах — жеманная сентиментальность, грусть и пессимизм, несвойственные возрасту. И за всей этой чувствительностью — рисовка, девическая незрелость, ожидание настоящей, невыдуманной жизни. Листочки засохшего цветка и поныне лежат в альбоме Ольги Ильиничны.

Пройдет любовь, умрут желанья,
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит наши, друг, свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?
Позволь в листках воспоминанья
Оставить им свой легкий след.

В альбоме Ольги Ульяновой под этим стишком размашистая подпись — Мария Лещинская.

Мрачное стихотворение, воспевающее «нелюбимую» красоту мертвой красавицы: «Казалось, она не умирала, казалось — бессмертной рождена», — «писала на память А. Щ.» (А. Щербо) 5 февраля 1885 года.

К этому листку приклеена яркая, веселая картинка — розочка — из тех, что многие десятилетия украшали тетрадки гимназисток...

В своих воспоминаниях «Гимназические годы О. И. Ульяновой»¹ А. Ф. Щербо рассказывала: «В классе последнего года (т. е. в выпускном) Ольга Ульянова, Варя Половцева и Вера Юстинова вели «подпольный» журнал. Назывался он «Скорбный лист» и был размером в лист бумаги. Редактировала его Ольга Ильинична. Писали об учителях, о театральных пьесах, на которых бывали, и о прочитанных книгах».

Этому воспоминанию Александры Щербо можно найти косвенное подтверждение у Ольги Ульяновой. Записка Юстиновой — Ольга писала в ней об «ужасной скуке» сидеть дома во время болезни — заканчивалась так: «Заеvidетельствовав... мое нижайшее почтение, остаюсь, любезнейший Адам Адамович, Вашим покорнейшим слугою и сотрудником г-ном Поколеноморепреходящим».

Подпись «покорнейшим слугою» может быть принята за шутливую форму обращения, но зато выражение «сотрудником» носит уже конкретный, деловой характер и дает основание предполагать, что девушки были редакторами и издателями журнальчика, хотя бы в один лист.

¹ Записаны с ее слов в 1931 году научным сотрудником Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске А. Медведевой.

А. Ф. Щербо, рассказывая, что в журнале высмеивались учителя, вспоминала и такую деталь: «Один учитель, правда хорошо знавший физику, не миновал критики за гримасы, которые он делал, повторяя одну фразу несколько раз». Можно думать, что речь идет об учителе физики Годневe. Преподавал он увлекательно, и на его уроках было интересно. Смешила только его поговорка: «Похож ётя в ёту», которую он часто повторял.

Вокруг Ольги объединялись наиболее активные и развитые гимназистки. Отличные ученицы, получавшие награды и поощрения, они, видимо, все же не были «пай-девочками».

19 апреля 1889 года, почти через два года после окончания гимназии, когда уже отстоялись детские воспоминания и впечатления и настала возможность оценить пережитое с позиции более зрелого отношения к жизни, Ольга Ильинична в письме к А. Ф. Щербо делает интересное признание. Она осуждает подругу за то, что та пошла поздравить с пасхальными праздниками их бывшую главную надзирательницу Екатерину Филипповну Москалеву. «Что это тебе вздумалось?» — удивляется Ольга Ильинична. Александра Феодосиевна написала ей, что надзирательница была «тронута и обрадована». Но Ольге чужда сентиментальность; она замечает здраво и скептически: «Еще бы ей не обрадоваться: мы были непокорны и она должна была на многое

смотреть сквозь пальцы, а теперь она думает, что мы смирились».

Известно, что надзиратели шпионили за своими подопечными: неожиданно-непрошено приходили к учащимся на дом, следили за чтением, за посещением театра и т. п. Деятельность надзирателей носила по существу полицейский характер; они должны были «воспитывать преданных государевых слуг».

«Мы были непокорны»,— писала Ольга Ульянова. Как много стоит за этой фразой!

Вот почему Ольга не может простить подруге обывательскую мягкотелость, проявленную к их бывшей надзирательнице.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тяжелые испытания. Окончание гимназии. Прощай, Симбирск!

1

Весной 1887 года Ольга Ильинична кончала Мариинскую женскую гимназию. Это было тяжелое время в жизни Ульяновых: в январе 1886 года скоропостижно скончался отец.

Илья Николаевич проводил рождественские праздники дома и, несмотря на недомогание, старался не нарушить атмосферы веселья, царившей в семье. Как и в прошлые годы, он принимает участие в играх, беседах. Очарование его тем больше, что он обращается с юными гостями, как равный с равными. Молодой инспектор А. Красев, бывавший у Ульяновых, писал их общему другу В. И. Фармаковскому: «Илья Николаевич 6 января отлично танцевал польки и кадрили у себя дома»...

Но танцы — это лишь краткая передышка. Шла огромная работа по составлению ежегодных отчетов, Илья Николаевич напряженно трудился.

Он скончался на посту 12 января 1886 года.

Глубоко убежденный в том, что все общественные беды происходят от недостатка просвещения, Илья Николаевич рассматри-

вал свою работу как служение народу. До его приезда четвертая часть волостей в Симбирской губернии (53 из 210) совсем не имела школ. Печальную картину являли существовавшие школы. Илья Николаевич знал их очень хорошо, не по отчетам и официальным донесениям. Он изъездил губернию вдоль и поперек, был в самых отдаленных ее уголках. В зимнюю стужу и в летнюю жару он ездил по дорогам, после которых, по живописному определению В. Н. Назарьева, местного деятеля народного просвещения и писателя, «на спине нет живого места, голова ходит кругом, точно после сильной морской качки».

Илья Николаевич Ульянов был подлинным организатором народного просвещения.

Почти за 17 лет его деятельности число школ в Симбирской губернии возросло до 450, было выстроено немало специальных помещений для школ, ютившихся до того в «черных» избах или темных караулках.

Илья Николаевич сумел внушить крестьянам доверие и уважение к школе. Он стоял за привлечение в школу девочек, и в этом также добился известных успехов.

И. Н. Ульянов был одним из первых в России организаторов учительских курсов, на которых было воспитано замечательное поколение учителей — бескорыстных, идейных, преданных своему делу, которых так и звали ульяновцами. Эти курсы вел сам Илья Николаевич, и в памяти их участников они остались на всю жизнь.

Труды Ильи Николаевича не замедлили сказаться: так, уже в 1879 году в Симбирской губернии 22 процента учителей имели специальное педагогическое образование, в то время как во всей России его имело только 3 процента.

Смерть Ильи Николаевича Ульянова потрясла весь Симбирск. На его похороны собралось огромное количество народа. «Все чтители памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его)... наполнили дом и улицу около квартиры покойного», — писал местный репортер. Вместе с ближайшими сослуживцами гроб отца нес Владимир Ильич.

Велико было горе семьи.

Но жизненный подвиг отца не будет забыт. Анна Ильинична расскажет позднее, что, по целым неделям не видя отца, они учились понимать, что «дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву».

Любовь к труду, чувство долга, бескорыстие — вот нравственные ценности, унаследованные детьми. И когда на пороге юности Ольга задумается о своем жизненном призвании, она вспомнит дорогой образ отца и несравненный его пример беззаветного служения делу народного просвещения.

2

Вскоре новое несчастье постигло семью Ульяновых. В марте 1887 года в Петербурге по обвинению в подготовке цареубийства

был арестован старший сын Александр. Мария Александровна, получив это тяжкое известие, немедленно собралась в столицу, оставив дом и младших детей на попечение старших — Владимира и Ольги.

Весной 1883 года Александр Ильич окончил Симбирскую гимназию. «Во внимание к отличному поведению и прилежанию, к отличным успехам в науках, в особенности же в латинском языке и математике, Педагогический Совет постановил наградить его, Ульянова, золотой медалью...»

Александр поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. Блестящие способности Александра в сочетании с исключительным трудолюбием (он жаловался сестре, что не может работать более 16 часов в сутки!) быстро выдвинули талантливого юношу в число лучших студентов.

На 3-м курсе за самостоятельную работу по зоологии он был награжден золотой медалью, и при вручении ее на годичном акте 8 февраля 1886 года ректор назвал А. И. Ульянова гордостью Петербургского университета. Перед Александром открывалась великолепная дорога научного творчества, а к науке, по словам одного его товарища, «он питал почти религиозное уважение».

Однако при всей преданности науке Александр Ульянов не мог ограничить себя рамками академической учебы. Произвол царских властей на каждом шагу оскорбля-

ет впечатлительного юношу, который желает честно служить народу.

В сентябре 1883 года в Петербурге хоронили великого русского писателя И. С. Тургенева. С горечью пишет Александр Ильич родителям, что казаки с нагайками и городовые не пропускали молодежь на кладбище.

Осенью 1886 года состоялась знаменитая «добролюбовская демонстрация», в которой А. И. Ульянов принял активное участие. 17 ноября 1886 года исполнилось 25 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова. На могиле писателя предполагалась студенческая панихида. Представители правительства усмотрели в этом «бунт».

Демонстрация была грубо разогнана полицией, многих студентов арестовали и выслали из столицы. В написанной им прокламации Александр Ильич выразил возмущение, охватившее передовые круги студенчества. Он и товарищи, объединившиеся вокруг него, приходят к выводу, что на грубую полицейскую силу надо ответить силой, но силой организованной и «объединенной сознанием своей духовной солидарности».

Александр Ульянов возглавляет группу, поставившую своей целью совершить террористический акт против главного жандарма России — императора Александра III. Юные революционеры были арестованы 1 марта 1887 года, не осуществив своего замысла. Царское правительство жестоко расправилось с Александром Ульяновым и его товарищами.

По делу Александра Ильича была арестована и Анна Ильинична.

В тот день, когда Мария Александровна шла на свидание с арестованной дочерью, прохожим раздавали листки — экстренный выпуск о казни «государственных преступников». Мария Александровна узнала о казни старшего сына. Она пришла в тюрьму и просила ничего не говорить Анне о брате. При свидании мать нашла в себе мужество, чтобы ободрить и утешить дочь. Даже тюремные надзирательницы низко поклонились вслед уходящей Марии Александровне: так величава была она в своем горе.

Бледная, осунувшаяся, вернулась Мария Александровна в Симбирск. «Не позвонила, не постучала, тихо вошла через черный ход,— рассказывала старая няня Ульяновых.— Маленькие дети так и облепили мать».

Мария Александровна проявила в этих трагических обстоятельствах необыкновенную душевную стойкость. На всю жизнь сохранила она преклонение перед подвигом и нравственным величием своего сына. На свидании Александр Ильич плакал, обнимал колени матери: «Только тебя, мама, жаль. Прости меня». Но сын говорил, что кроме долга перед семьей у него есть еще долг перед родиной; Володя и Ольга успешно кончают гимназию — они будут матери утешением.

Да, в них уже сказывался сильный характер, незаурядная воля.

Владимир Ильич был в выпускном классе. Он тяжело переживал гибель брата, но глубоко запрятал свою горе: надо было выполнять каждодневный долг. И Володя продолжал упорно работать, отлично сдавал экзамены.

Мужественное поведение матери и брата не могло не подействовать на Ольгу. В свои шестнадцать лет она почувствовала себя взрослой, ответственной не только за себя, но и за жизнь всей семьи, судьба которой отныне была связана с судьбой борющейся революционной России.

Ольга очень любила старшего брата и была, по свидетельству Анны Ильиничны, «с раннего детства его любимицей из младших. У неё и в натуре было много общего с Сашей: глубина и твердость характера при большой ровности и мягкости его, из ряда вон выходящая трудоспособность. Я сказала бы, что у неё, как и у Саши, в характере преобладающим было чувство долга...»

Когда весть о казни брата дошла до Симбирска, отчаяние, охватившее Ольгу, было беспредельным. Она бросилась на землю и кричала: «Я ненавижу царя, я убью его». Но так же, как Владимир Ильич, Ольга Ильинична продолжала аккуратно посещать гимназию и усердно заниматься. Когда из Петербурга приехал ревизор делать проверочные испытания, Ольга даже столичного гостя поразила своими глубокими познаниями.

Подруга Ольги Е. Арнольд вспоминает, как Ольга принесла в класс фотографию

брата, снятого в тюрьме: «Я с трудом сдержалась, чтобы не заплакать, но ее самообладание было поразительное: она, как окаменелая, ни одним мускулом лица не выдала своего горя».

В «Симбирских губернских ведомостях» 23 мая 1887 года (№ 34) из «Правительственного вестника» было перепечатано официальное сообщение «о злоумышлении на жизнь священной особы государя императора», о суде, приговоре и о приведении его в исполнение. Александр Ульянов казнен. Реакция торжествовала, казалась всесильной...

Начальство Симбирской мужской гимназии получило нагоняй за то, что «государственный преступник» Александр Ульянов был в свое время награжден золотой медалью. Трусливое и раболепное, оно не могло, однако, лишиться золотой медали брата казненного — Владимира Ильича Ульянова ввиду его исключительных способностей. Ольга Ульянова — первая ученица во все годы обучения в гимназии — блестяще сдала выпускные экзамены и тоже получила золотую медаль.

Уже на склоне лет Мария Ильинична Ульянова писала: «Трагедия 1887 года дала новое направление всей нашей семье. Почти все старые связи были порваны...»

Владимир Ильич рассказывал Надежде Константиновне, как отнеслось «общество» к аресту и казни его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от их семьи, перестал

бывать даже старичок-учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, и Марии Александровне надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы оттуда добраться до Питера, где сидели в тюрьме сын и дочь Анна. Владимира Ильича послали искать попутчика — никто не захотел ехать с матерью арестованного. Эта всеобщая трусость, по словам Владимира Ильича, произвела на него тогда очень сильное впечатление.

Неизгладимый след оставили те страшные дни в душе и сознании Ольги Ильиничны. Талантливая девушка, первая ученица, украшение гимназии, она вдруг стала почти для всех чужой, ее избегали, к ней не обращались.

Еще до того как Владимир и Ольга окончили гимназический курс, Мария Александровна решила покинуть Симбирск и обосноваться в Казани, где жила ее старшая сестра — Анна Александровна Веретенникова.

Осенью 1887 года Ольга Ильинична приезжала в Симбирск из Казани получить золотую медаль, присужденную Владимиру. В деле канцелярии директора Симбирской гимназии сохранилась расписка: «Золотую медаль Владимира Ульянова по поручению его получила 13 сентября 1887 года Ольга Ульянова». К этому приезду относится ее проникнутое горечью письмо к Саше Щербо. Она пишет, что во время пребывания в Симбирске она вместе с их общей подругой Ни-

ной Стржалковской пошла на почту и встретила своих бывших учителей. «Они кланялись Нине, а меня как будто и не замечали или не узнавали».

В обывательской мешанине объявлений в газете «Симбирские губернские ведомости» — о розыске хозяев собаки, о розыске хозяев приставшей лошади, о розыске хозяев барана и совсем уж сенсационного — о розыске хозяев гуся — затерялось краткое объявление, помещенное 30 мая (и затем повторенное): «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой».

Это была крайне тяжелая операция для деликатной, сдержанной, всегда жившей очень замкнуто, полной внутреннего достоинства семьи Ульяновых. Досужие кумушки, которых в Симбирске было много, заполнили квартиру Ульяновых. Под предлогом покупки вещей они приходили исключительно для того, чтобы взглянуть на мать казненного революционера. Марию Александровну эти посещения и бесцеремонные вопросы страшно мучили.

Ульяновы жили скромно, на одно жалование Ильи Николаевича; только благодаря тому, что Мария Александровна была исключительно энергичной и умелой хозяйкой дома, семья ни в чем не нуждалась и дети получили прекрасное воспитание и образование. Илья Николаевич был настоящий бессребреник. Недаром В. И. Назарьев, хорошо знакомый с И. Н. Ульяновым, писал, что

«он редкое, исключительное явление между инспекторами»; что «он далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует». Так было в начале его деятельности; так было и в то время, когда он завершил свой жизненный путь.

В некрологе, посвященном памяти И. Н. Ульянова, были такие строки: «Нет нужды говорить, что этот неутомимый труженик не только по своим нравственным наклонностям и убеждениям, но и по самому положению своему и крайне скромным, единственно приобретенным службой, средствам жизни не мог сберечь для семьи никакого денежного и материального обеспечения».

Мария Александровна осталась вдовой, имея на руках четверых детей, ни один из которых не был самостоятелен в материальном отношении. Она сознавала, как трудно ей будет налаживать жизнь на новом месте, и потому расставалась со всем лишним. Были проданы даже географические карты, которые так ценил Илья Николаевич. Ольга Ильинична писала учителю-инспектору Симбирского трехклассного городского училища Г. Я. Кокурочникову 16 октября 1887 года: «Милостивый государь Григорий Яковлевич! Мама поручила мне передать Вам, что присланные Вами 12 рублей за географические карты получены ею, за что она благодарит Вас. *О. Ульянова*». Продажа географических карт очень расстроила Ольгу. Вспомнились недавние счастливые дни...

География в школьном преподавании казалась наукой отвлеченной и сухой. Но вот она вместе с подругами сидит в отцовском кабинете, увешанном географическими картами. Как зачарованные слушают девочки его рассказ. Восторженно рассказывала об этом незабвенном времени Катя Арнольд: «...так умел Илья Николаевич перенести слушателей... что бывало придешь домой, и в голове все слышанное. Фантазия работает усиленно, и кажется, что видишь все эти горы, реки, тропические леса и людей, населяющих их».

Но вот со всеми делами покончено. Дом и обстановка проданы; багаж, а в нем самая ценная и любимая вещь в обиходе ульяновской семьи — рояль (рояль продать не удалось: слишком мало было времени), отправлен в Казань. Младшие — Дмитрий и Мария — уже в Кокушкине, где под гласным надзором отбывала ссылку по делу старшего брата Анна Ильинична.

В конце июня Мария Александровна с сыном Владимиром и дочерью Ольгой отплыла на пароходе из Симбирска. С невыразимой печалью прощалась мать с городом, где прошли счастливые годы ее жизни. А для детей начиналась тревожная, мятежная юность.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Казнь. Первая ссылка Владимира Ильича. В чем смысл жизни?

1

Лето 1887 года Ульяновы провели в Кокушкине.

В родном Симбирске хорошо зимой, но с наступлением первых теплых дней хотелось стремглав бежать из города — на травку, в лес... Пыль, грязь и специфически симбирское бедствие, о котором красноречиво писал Владимир Игнатьевич Фармаковский: «...мириады мошек. Дохнуть нельзя».

Подростком Ольга дала прекрасное описание путешествия по Волге.

...Волга — живая река, она меняется на глазах. «Медленно» катит река «свои светлые воды», и девушка неотрывно любит берегами, движением парохода. Безмятежное счастье овладевает молодой душой... «Местами отражение солнца в воде так сильно, что больно смотреть; вокруг все тихо, так тихо, как никогда не бывает на земле». Тонко, поэтично передано ощущение торжественного и ясного солнечного дня на реке. Но набегают тучи, и Волга предстает «мутною и серою, словно серditoю».

Ольга восторженно описала дорогу в Ко-

кушкино, которая «большею частью шла между хлебными полями; рожь уже колосилась; она была очень густа и высока, так что весело было на нее смотреть. Иногда дорога шла лесом, и вместо яркого солнечного света, трещанья кузнечиков, пенья птиц внезапно наступали мрак и тишина, которые особенно усиливались в глубине леса...».

По веснам пели соловьи в большом саду и на берегу реки Ушни. Казалось, прелестнее нет места на земле. Все цвело и благоухало в Кокушкине, печально было только в семье Ульяновых.

Ольга очень устала: физическое напряжение во время сдачи выпускных экзаменов, тяжелые душевные переживания надорвали ее силы. В деревне она вначале предалась полному отдыху: гуляла, купалась, каталась на лодке, ездила верхом.

Много волнений и толков вызвало в деревне ожидавшееся солнечное затмение. «Крестьян предупредили,— пишет Ольга Ильинична подруге,— что будет затмение, и не велели им в этот день выгонять скотину; некоторые из них не поверили, большинство же поняло так, что в пятницу должно быть землетрясение и что скотина в поле провалится, и порядком струсило, наконец, некоторые, особенно бабы, решили, что будет «светопреставление». Ольге Ильиничне невольно пришлось стать «просветителем» и объяснять знакомым крестьянам происходящие в природе явления.

Но идиллия деревенской жизни не долго утешала девушку, привыкшую к строжайшей дисциплине и упорному труду. Она «вдруг» начала серьезно заниматься английским, много читала по-французски.

* *

*

К началу учебного года Мария Александровна переехала в Казань. Начались поиски квартиры, что было нелегким делом. В конце октября Ольга Ильинична пишет А. Ф. Щербо: «Мы сняли квартиру в новом доме, где еще никто не жил».

Теплую погоду, которая была в Казани в первой половине сентября, сменили стужа и ненастье. В ночь на 23 сентября выпал снег и покрыл землю на четверть аршина. В квартире «ужасно холодно», неуютно. Мрачные мысли одолевают девушку. С горечью пишет Ольга: «Уехав из Симбирска, мы превратились в каких-то кочевников; нигде не найдем себе места, и все время проходит в том, что мы укладываемся и раскладываемся».

Младшие дети стали посещать школу. Как устроится жизнь старших? Владимир и Ольга Ульяновы стремились по окончании гимназии учиться в Петербурге. Но директор департамента полиции дал понять Марии Александровне во время ее пребывания в Петербурге в дни суда над Александром Ильичем, что лучше Владимиру проситься в

провинциальный университет и лучше, «если он будет жить при ней».

Владимир Ильич поступает в Казанский университет.

2

Тридцать с лишним лет назад Казанский университет окончил его отец, Илья Николаевич Ульянов.

Казанский университет имел богатую историю. Из его недр вышло не одно поколение замечательных деятелей русской культуры. С ним связаны имена знаменитых русских ученых: математика Лобачевского и химика Бутлерова. Здесь учился Лев Толстой. В первую половину XIX века Казань сохраняла славу столицы российского востока. Известный финский лингвист М. А. Кастрен писал: «Едва ли есть в целом мире хотя один такой университет, где бы так ревностно изучали восточную литературу, как в Казани».

Огромное влияние на деятельность Казанского университета оказал Н. И. Лобачевский, который в течение девятнадцати лет был его ректором. Речь Лобачевского «О важнейших предметах воспитания», произнесенная им в торжественном собрании 17 июля 1828 года, для нескольких поколений студентов Казанского университета — среди них был и И. Н. Ульянов — звучала вдохновенным гимном человеческому разуму. «Ничто так не стесняет потока жиз-

ни, как невежество», — утверждал Лобачевский.

«Податное состояние» помешало Илье Николаевичу в получении стипендии при поступлении в университет. На ходатайство директора Астраханской гимназии о предоставлении стипендии Илье Ульянову, как «даровитому мальчику», не имеющему никаких средств, чтобы продолжать образование, последовал ответ попечителя Казанского учебного округа, в котором указывалось, что стипендии имеют целью «облегчить лишь чиновникам способы к воспитанию детей. Но для приема Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию... в число стипендиатов... нет достаточного основания».

В свидетельстве об окончании университета и утверждении в ученой степени кандидата математических наук, выданном Илье Николаевичу, сказано, что И. Н. Ульянов «во время нахождения в университете, при способностях, прилежании и поведении отличных, обучался на своем содержании».

Это значит, что он являлся «своекоштным» студентом. «Своекоштный» студент в массе своей принадлежал к демократическим слоям и, как правило, жил очень бедно. И. Н. Ульянов, можно сказать, тоже выучился на «медные гроши».

Илья Николаевич навсегда сохранил преданность университету — *alma mater*; он охотно рассказывал своим детям про студенческие годы. С благоговением говорил Илья Николаевич о Лобачевском.

Отношение четы Ульяновых к высшему образованию было по тому времени совершенно исключительным. Не только для Ильи Николаевича, унаследовавшего от великого Лобачевского фанатическую веру во всемогущество знаний, — преклонение перед наукой было характерно и для Марии Александровны.

Люди глубоко интеллигентные, они и не помышляли о чиновничьей карьере для детей, а ведь к этому стремились почти все юноши, оканчивающие гимназию.

Александр Ильич уехал учиться в Петербург. Вслед за ним в столицу отправилась Анна Ильинична, проработав уже два года в народной школе. Она поступила на Высшие женские курсы, что было тогда редчайшим явлением. Илья Николаевич — слабого здоровья, надо было содержать большую семью, однако и он и Мария Александровна без колебаний послали старших учиться в столицу.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница, старый друг семьи, рассказывает, как теплели глаза Ильи Николаевича, когда он говорил: «...плохих детей у меня нет» — и с отцовской гордостью взирал на «вторую пару» — Владимира и Ольгу, с детства отмеченную печатью яркого дарования.

Дорога для Владимира в университет уже predetermined. Ольга знала, что и для нее будет открыта дверь в широкий мир, — такова была светлая атмосфера ульяновской семьи.

Владимир Ильич при поступлении в Казанский университет избрал юридический факультет. Он — очень молод, ему только исполнилось 17 лет. Однако нельзя сказать, что этот выбор был сделан им случайно, необдуманно.

«Теперь такое время,— говорил он,— нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...» Он готовился овладеть правовыми и экономическими науками (а они изучались только на юридическом факультете), ибо считал их необходимым оружием в революционной борьбе.

Студенческая жизнь Владимира Ильича пришлась на глухую пору реакции. 80-е годы — «тягостная и позорная эпоха», когда молодому поколению, по словам Анны Ильиничны, приходится «пригибаться к рамкам дозволенного,— заниматься малыми делами, заделываться книжными червяками, уходить в мистицизм, в потустороннее». «Но во всякую эпоху,— отмечала она,— есть люди, которые не мирятся с таким согбенным положением, которые могут жить лишь в полную меру отпущенных им сил, а эти силы зовут к неустанному движению вперед... Это первые ласточки, это дубы, которые ломаются непогодой, потому что гнуться они не способны...»

Такими «первыми ласточками» были и молодые Ульяновы. Как яркий метеор, про-

мелькнул на историческом небосклоне Александр Ульянов. Расправлял юные, но сильные плечи Владимир Ульянов. Трагическая судьба брата, жестокая расправа с ним лишний раз убеждали Владимира в том, что самодержавный строй следует уничтожить. Но как?

В России уже давала о себе знать новая революционная сила — рабочий класс. Мощные забастовки в разных городах говорили о том, что идет настоящая война между пролетариями и предпринимателями.

Началась пропаганда идей научного социализма. Эти идеи явились для революционно настроенной молодежи путеводными. Казанские передовые студенты, в среде которых вращался молодой Ульянов, знали произведения Маркса и Энгельса, горячо обсуждали книгу Г. В. Плеханова «Наши разногласия».

В конце 80-х годов широкий размах в стране приняли студенческие выступления. Они явились выражением общедемократического движения против самодержавия. В ноябре — декабре 1887 года произошло выступление студентов Московского университета, сопровождавшееся столкновением с полицией и жандармами. Много студентов было покалечено, арестовано, исключено из университета и выслано из Москвы.

Московские события вызвали серьезные волнения и в других университетских городах: Петербурге, Харькове, Одессе, Казани.

4 декабря 1887 года в актовом зале Ка-

занского университета произошла сходка. Во время сходки студенты вручили ректору петицию, носившую ярко выраженный политический характер. Она начиналась словами: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности...»

Студентов разных городов объединяли не только общие, но и специфические интересы. В первую очередь это было требование об уничтожении университетского устава 1884 года, который ликвидировал автономию, то есть самоуправление университетов.

В этом выступлении казанских студентов Владимир Ульянов получил первое боевое революционное крещение. После сходки он отдал свой входной билет; это было выражением протеста против преследований революционных студентов и жандармской расправы с ними. Владимир Ильич был арестован с 4 на 5 декабря среди ста наиболее активных участников сходки.

Мария Александровна просила, чтобы сына не высылали в Кокушкино, говорила, что к нему относятся особенно строго из-за старшего брата Александра. На это ей ответили: «Нет, ваш сын был сам очень активен: инспектор Потапов видел его в передовых рядах, очень возбужденного, чуть ли не с сжатыми кулаками».

Студенческая жизнь Владимира Ильича закончилась. Началась его первая политическая ссылка.

После довольно длительного перерыва, почти на исходе 1887 года, Ольга Ильинична написала письмо А. Ф. Щербо в Симбирск и сообщила ей, что теперь семья переезжает в Кокушкино, а она остается в Казани, чтобы не бросать занятий в музыкальной школе, и будет жить у тети — А. А. Веретенниковой. В очень сдержанных выражениях она написала подруге о «студенческих беспорядках» в Казанском университете и об участии в них брата.

Университет закрыт, закрыт и Ветеринарный институт, много участников сходки арестовано и выслано. «Общество, — писала Ольга Ильинична подруге, — отнеслось к студентам сочувственно: им прислали 300 руб. в первые же дни арестов и высылки из Казани, также шубы и шарфы, потому что многим студентам не в чем было ехать. Казанские дамы прислали им табаку и папирос; а гимназисты, особенно 1-ой гимназии, отдавали все свои деньги, у кого были часы, некоторые — даже свои шубы. Гимназистки тоже жертвовали, но об этом узнала начальница и прочитала им строгую нотацию».

Город был взбудоражен. Выпущенная заключенными студентами листовка ходила по рукам. Слова листовки «Наша молодая кровь, наше молодое сердце заставило искать выхода» ставили перед каждым мыслящим юношей и девушкой вопрос о собственной судьбе.

Стоял этот вопрос и перед Ольгой Ульяновой. Ее глубоко волновало революционное выступление казанских студентов, в котором принимал участие любимый брат.

В семье Веретенниковых, где она жила, — шумной, веселой, молодой, — было несколько студентов, постоянно происходили дискуссии на политические и научные темы. Юная Оля внимательно к ним прислушивалась.

Ее тетя Анна Александровна Веретенникова, человек демократических убеждений, горячо сочувствовала молодежи. Она была заядлая театралка, писала стихи, в которых откликалась не только на семейные, но и на общественные события. В ее архиве сохранилось стихотворение адвоката А. Л. Боровиковского, участника громких политических процессов 70-х годов. Наиболее известны его знаменитые стихи «К судьям», посвященные процессу 50-ти, когда русские девушки потрясли мир своей революционной самоотверженностью и нравственным благородством. Образ Софьи Бардиной навеял строки:

Оставь, судья, ненужные допросы!

Но знай: в душе моей, на дне
Тягчайшая из всех улик сокрыта —
Любовь к родимой стороне!

Это стихотворение ходило в списках (с некоторыми разночтениями в отдельных строфах) по всей России. Конечно, не следует думать, что Анна Александровна Веретенникова принадлежала к революционным

кругам. Тайно переписанное, это стихотворение свидетельствует лишь об ее общественной чуткости. Не случайно, что выступление, воззвание казанских студентов находило в ее доме живой отклик.

Кокушкино — глухая деревушка, утонувшая в сугробах. Лютые ветры, «бедовые» метели, кажется, вот-вот снесут ветхие деревенские домишки. В большом доме деда Александра Дмитриевича Бланка холодно. Владимир Ильич поселился во флигеле, заняв маленькую угловую комнатку, выходившую окнами на север. Обстановка в ней самая скромная: деревянная койка на козлах, на стене — полка с книгами, простой шкаф, небольшой рабочий столик, два-три стула. У двери — столярный верстак, на котором он работал в детстве.

Рядом, в комнате, выходившей на юг, жила Анна Ильинична. Здесь же кровать Ольги; в зиму 1887/1888 года она недолго (около полутора месяцев) жила в Кокушкине. И в этой комнате та же спартанская простота, единственное украшение ее — белые занавесочки на окнах.

Ульяновы провели зиму в полном одиночестве. Скрашивали его приезды Ольги Ильиничны; она всегда охотно играла на фортепьяно, и ее музыка доставляла много радости кокушкинским изгнанникам.

Вспоминая ссылку в Кокушкино, Влади-

мир Ильич говорил: «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет».

Круг чтения Владимира Ильича обширный; он изучал капитальные труды, даже не предусмотренные официальной программой. В списке литературы, с которой хотел познакомиться Владимир Ильич, были книги о французской революции, по истории Греции, Англии.

Книги доставала в Казани Ольга Ильинична — верный и надежный друг Владимира Ильича.

Как о чем-то бесконечно дорогом, но невозвратном, навсегда ушедшем вспоминала теперь Ольга о счастливой жизни в Симбирске: «...как хорошо мне там было».

Есть в ее письмах к А. Ф. Щербо в Симбирск девические «ахи» и «охи» по поводу того, что «Варя разошлась с Ниной», и т. п., но пленяет иное — цельность и глубина ее натуры, редкие для такого юного существа. В классе с ними училась тихая девочка — Беме. Она не была среди близких подруг Ольги Ульяновой. Но теперь до нее дошли слухи, что Беме серьезно больна. В гимназии знали о тяжелых семейных обстоятельствах

девочки, о том, что мать ее — человек черствый, и Ольга с искренним волнением пишет подруге: «...даже страшно подумать, что с нею будет, где и как она будет жить. Поцелуй ее от меня».

Совсем другой была красивая, легкомысленная, нагловатая в своей самоуверенности ученица Штраль. «Серьезным мыслям у ней в голове места нет», — пишет Ольга Ульянова. Но даже в отношении нее необходимы «воспитательные мероприятия»: «насмешки, конечно, не очень едкие сразу... могли бы принести ей пользу».

Ольга разрабатывает тщательно обдуман- ный план: «Например, не лишним, по-моему, было бы намекнуть ей, что некоторые гимназисты, которых она считает своими рыцарями, говорят, что она неразвита, а некоторые дерзкие — даже, что она просто глупа. Вот была бы потеха».

Щербо по мягкости своей натуры пыталась было заступиться за Марию Штраль. Но куда там! Ольга Ульянова продолжает нападать на нее: «Я не замечала, чтобы Штраль была добра, а простота ее — следствие глупости».

Ольга презирует бессмысленное времяпрепровождение светской барышни, ее паразитический образ жизни: «Если она думает, что только бедным нужен ум и знания, то и не поступала бы в гимназию. Меня страшно раздражает такой взгляд на науку». Это не слова, сказанные в запальчивости. Нет, в них заветные мысли девушки, для которой

«ум и знания», преданность науке стали путеводной звездой.

С детских лет запомнила Ольга дифирамб великого Лобачевского в честь науки, его страстные слова, осуждающие богатых тунеядцев: «...Вы, которых существование несправедливый случай обратил в тяжелый налог другим, вы, которых ум отупел и чувство заглохло, вы не наслаждаетесь жизнью. Для вас мертва природа, чужды красоты поэзии, лишена прелести и великолепия архитектура, незанимательна история веков». Эти слова часто повторял отец.

Сама Ольга жаждет знаний, труда, жизни разумной, плодотворной. Вот Ольга встретила свою бывшую соученицу — Благодарову. Работая, она одновременно посещает земскую фельдшерскую школу. И Ольга с восхищением пишет про нее А. Ф. Щербо: «Молодец! Учится и трудится!»

Все чаще задумывается Ольга о собственном будущем: оно волнует и тревожит ее. Перед ней — пример матери. Нравственное величие Марии Александровны покоряет всех знавших ее и в дочери вызывает непреодолимое желание быть сильной, мужественной. «Ты спрашивала, как здоровье мамы, — пишет она А. Ф. Щербо. — Я надеюсь, что жизнь в деревне ей будет полезна». Перед верной подругой Ольга не таится. Она не скрывает тяжкой, незаживающей раны, которую нанесла казнь любимого брата. Но сострадание она отвергает. «Ты права, сожаление я не принимаю; это не из гордости,

а просто не в моем характере». Ольге грустно, с глубокой печалью задает она вопрос: «А счастье? Да где оно? Где счастливые люди? Нет, я положительно не верю в счастье, а верю только, что можно забывать о несчастьях, своих и чужих (и то только отчасти), исполняя свой долг. По-моему, весь смысл жизни в этом слове. Вот тебе вся моя философия».

Долг как смысл жизни. Но в чем долг?

События общественной жизни, судьба ее семьи — трагическая гибель старшего брата Александра, подвиг которого, как факел, пылал в сердце; Володя, ее любимый брат, друг детства и юности, непоколебимо и смело ставший на путь борьбы, — все это неумолимо толкало Ольгу к пониманию того, что только в беззаветном служении народу можно найти смысл жизни.

В Казани Ольга посещала музыкальную школу, руководимую известным музыкальным педагогом и дирижером Орловым-Соколовским. Одно время в этой школе преподавал композитор Виктор Никандрович Пасхалов, творчество которого высоко ценили Мусоргский и Стасов.

Ольга очень любила музыку, глубоко чувствовала и понимала ее. Музыка играет большую роль в ее духовной жизни. Ольга пишет подруге, что часто бывает на «симфонических собраниях»: «У меня, как у всех,

бывают ясные дни, бывают и пасмурные, когда я мучусь сомнениями...» Как ей тогда помогает музыка! Вот напала жестокая хандра, но, «на мое счастье, удалось попасть в театр на «Фауста» (прекрасная опера!), и эти чудные звуки меня ободрили».

В «Фаусте» пел знаменитый артист Казанской оперы Ю. Ф. Закржевский. Его «с великим наслаждением» слушал молодой Владимир Ульянов. Их тетя, А. А. Веретенникова, посвятила Закржевскому несколько прочувствованных стихотворений. Она благодарит певца за то, что он «в час печальный, трудный» «восторгом нас дарит».

И однако, при всей любви к музыке, Ольга Ильинична не связывала с ней свою будущность. Она писала А. Ф. Щербо: «Да, конечно, музыка — чудная, прекрасная вещь, источник чистого наслаждения... Только помнишь ты, Саша, что мы перед моим отъездом из Симбирска говорили о музыке и я тогда сказала, что мне кажется как-то *совестно* (курсив О. У.) отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу...»

В этих словах отражены идеалы передовой русской девушки, которая мечтает о серьезном деле, приносящем «существенную пользу» народу.

Но тут же Ольга Ильинична оговаривается. Она пишет: «Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к выдающимся, не к Моцартам или Бетховенам».

Вследствие несчастного случая — из-за

ушиба — сошел ноготь на пальце, и в занятиях Ольги Ильиничны музыкой невольно образовался перерыв. «Но сказать правду, я совсем не так огорчена невозможностью играть, как это все думают; у меня теперь голова полна мечтами о поездке в Гельсингфорс», — пишет она подруге.

«Поездка в Гельсингфорс» означала поступление в университет на медицинский факультет. Ольга просит А. Ф. Щербо все хранить «в самой строгой тайне». «Я говорила уже об этом с мамой, и хотя она приводила многие возражения, но я знаю, что она так добра, что ни в чем мне не откажет...»

Ольга стояла перед новым важнейшим рубежом в своей жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Алакаевка. Напряженные занятия Ольги и Владимира. В Самаре. Мечты о будущем.

1

В мае 1889 года Ульяновы поселились на хуторе при деревне Алакаевка, купленном Марисей Александровной на деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске.

Приезду Ульяновых предшествовало распоряжение Самарского губернского жандармского управления об установлении над семьей строжайшего полицейского надзора.

Алакаевка, расположенная верстах в пятидесяти на восток от Самары, была захудалой деревенькой Богдановской волости. В 1889 году в деревне числилось 34 двора — 197 жителей, из которых не более 100 человек были работоспособными. Алакаевцы владели 65 десятинами земли; 13 процентов хозяйств были безземельными, 26 процентов дворов не имели лошадей. У крестьян не было ни сенокоса, ни выгона, ни леса. Деревня не имела ни одного грамотного.

Мария Александровна надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался, — вспоминала впоследствии Надежда Константиновна его рас-

сказ.— Я начал, было, да вижу — нельзя, отношения к мужикам ненормальные становятся...»

Крестьяне знали, что за Ульяновыми следит полиция, что они не верят в бога, что они против царя. Но не наущничали, в сговор с жандармами не вступали. Интересен рассказ К. Д. Филиппова, в детские годы жившего по соседству с Ульяновыми.

«Мой отец в те годы был сельским старостой. К нему приезжали жандармы и урядники и все допытывались — не отлучается ли куда-нибудь Владимир Ильич, с кем он ведет знакомство, какими делами занимается. Как-то прикатывает из волости жандарм. Приходит к нам на гумно — мы как раз хлеб молотили — и спрашивает у отца:

— Ульяновы ходят куда-нибудь?

— Ходят,— отвечает отец.

Мария Александровна и ее дочери Анна и Ольга действительно ходили к крестьянам. Тогда у нас свирепствовала холера, и они навещали больных, указывали, как надо за ними ухаживать, помогали лекарствами и советами.

— А быть может, кому-нибудь книги дают Ульяновы?

— Да как же, дают книжки,— отвечает отец.— Вот моему сыну книжку дали.

— А ну, принеси книжку, что тебе там дали,— велел мне жандарм.

Я сбегал домой, принес книгу. Это была азбука. Поглядел жандарм и спрашивает:

— А еще никаких книг не дают?

— Нет, не дают,— отвечает отец.

Жандарм и уехал ни с чем...»

Алакаевка с ее безбрежным степным простором, целебным воздухом, необыкновенной тишиной была для семьи Ульяновых прекрасным местом отдыха.

Ольга Ильинична так описывала подруге «достопримечательности» Алакаевки: «Я, как и ты, очень люблю кататься на лодке, но здесь это удовольствие невозможно: 1) лодки у нас нет, а во-вторых, воды очень мало, так что кататься можно бы только в пруду до мельницы, а сама река, которая огибает наши владения, так мелка, что курица вброд перейдет (это уже маленькая гипербола). Теперь у нас жнут пшеницу, и я езжу туда каждый день, а приехав туда, отправляюсь в лес (пшеница около леса); я очень люблю лес...»

У каждого из старших членов семьи было свое заветное место. Анна Ильинична больше всего любила березовую аллею. Владимир Ильич устроил себе «рабочий кабинет» в саду, в самой глухой и тенистой его части — в высоких кустах сирени. Там он поставил удобный деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении — трапезицу. Владимир Ильич много занимался; после долгих хлопот Марии Александровны он получил разрешение сдать экстерном государственные экзамены при юридическом факультете Петербургского университета.

«Олин клен» — так называли высокий старый клен, стоявший у обрыва, спускавшегося

ся к ручью. Здесь часто можно было застать Ольгу Ильиничну, всегда с книгой в руках.

Это было для Ольги время напряженного труда. Она готовилась поступить в высшее учебное заведение. Краткие записи в дневнике, письма к подруге хранят следы той атмосферы разносторонних интересов, в которой жила девушка. Ольга Ильинична много занималась языками. В 18 лет она превосходно знала немецкий, английский, французский; изучала шведский. В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле находится книга, принадлежавшая О. И. Ульяновой. Это учебник итальянского языка (на немецком): *Mussafia. Italienische Sprachlehre in Regeln und Beispielen*. Вена, 1873.

Для поступления в университет требовалось знать древние языки. В дневнике Ольги мы находим такие записи: «Кончила латинскую этимологию; перевод Фемистокла». Из дневника же мы узнаем, что она усиленно занималась физикой, химией, увлекалась астрономией.

Ольга много читает. Воспитание любви к литературе было органической, важнейшей частью культурного, более того — нравственного воспитания молодых Ульяновых. Еще в юности они познакомились в семье с лучшими, классическими произведениями русской литературы, которые рассказывали правду о народной жизни, отражали чаяния и стремления передовой общественной мысли.

«Литература не умрет! не умрет во веки

веков... Все, что мы видим вокруг нас, все в свое время обратится частью в развалины, частью в навоз,— одна литература изъята из законов тления, она одна не признает смерти». Эти вдохновенные слова принадлежат М. Е. Салтыкову-Щедрину, великому писателю-подвижнику, которого особенно любили Ульяновы.

Когда в «Вестнике Европы» в конце 1887—1888 году стала печататься «Пошехонская старина», Ольга рекомендует своей подруге А. Щербо познакомиться с этим произведением; ей оно «очень понравилось».

Родные всегда с гордостью вспоминали, что Александр Ильич и Анна Ильинична дважды (в 1885 и в 1886 годах) были в составе делегаций петербургских студентов к великому писателю. Анна Ильинична стала автором «самого прочувствованного адреса» М. Е. Салтыкову-Щедрину, принятого общим собранием Высших женских курсов после закрытия «Отечественных записок».

С восхищением перечитывала Ольга Ильинична «Ревизора» и «Мертвые души» Гоголя. «У нас, русских, никогда не будет таланта более замечательного и высокого, чем Гоголь», — пишет она.

Ее внимание и симпатии привлекает творчество писателей, искренне и честно воспевающих народную жизнь. Ольге нравятся произведения Никитина, она считает его «самобытным», «истинным» поэтом. Поэтический сборник Никитина «бытовал» в их семье. Маленький Володя под одобри-

ный смех взрослых распевал никитинскую
«Песню бобыля»:

Богачу-дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится.

В конце 80-х годов в литературу вошел новый замечательный писатель — Всеволод Гаршин. Его «несомненно оригинальный талант» горячо приветствовали И. С. Тургенев и Лев Толстой.

Рассказ В. Гаршина «Сигнал» произвел на Ольгу Ильиничну сильное впечатление; ей были знакомы и «Записки рядового»¹. Среди произведений Гаршина, которые ей «особенно нравятся», Ольга Ильинична называет рассказ «Художник»².

В книгах Ольга Ульянова ищет ответ на мучившие ее вопросы жизни. Она пишет подруге, что начала читать сочинения Белинского.

Творчество русских революционных демократов оказало огромное влияние на формирование молодых Ульяновых. Александр Ильич и Анна Ильинична увлекались сочинениями Д. И. Писарева. Владимир Ильич рассказывал, что в юности его увлек роман Чернышевского «Что делать?».

Ольгу глубоко взволновало знакомство

¹ Точное название — «Из воспоминаний рядового Иванова».

² Рассказ точно называется «Художники».

с биографией В. Г. Белинского, его страстное искание истины. Поражает зрелость ее суждений. Ольга признает в Белинском «талант выдающийся». Она убеждена, что в критике особенно важны «мысли и взгляды», иными словами, идейная позиция автора.

А «во взглядах,— пишет Ольга Ильинична,— я часто расходилась с Б[елинским], читая написанное им до 40 года». «В первом же томе мне не понравились восторженные отзывы Бел[инского] об имп. Екатерине, которые можно бы принять за лесть, если бы возможно было сомневаться в искренности этого замечательного человека».

Ольга Ульянова имеет в виду статью «Литературные мечтания» (1834 год), в которой Белинский давал восторженные, преувеличенно похвальные отзывы о «великой эпохе» Екатерины II.

Ольга подробно пишет подруге об эволюции взглядов великого критика. Ее восхищает «нравственное мужество» Белинского, который «печатно» сознался «в ошибочности мнения, которое он прежде разделял, но потом отверг».

Она просит подругу перечитать «Медвежью охоту» Н. А. Некрасова: «Там есть прекрасные стихи о Белинском». В своем письме она приводит строки:

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

И конец:

.
.
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщения, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя —

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «пора в могилу!»

«Я читаю его (Белинского.— Р. К.) с большим удовольствием, некоторые места с наслаждением, и думаю, что его сочинения должны быть настольною книгой для молодежи и что перед его именем можно и должно «преклонить колени» в знак глубокого уважения к его памяти».

Замечательны эти строки Ольги Ульяновой,— в них голос честного, боевого поколения, которое готовилось выйти на арену общественной жизни.

По воспоминаниям родных, Ольга вместе с братом читала Глеба Ивановича Успенского. Владимир Ильич считал Успенского одним из лучших писателей, который с глубочайшей искренностью и правдивостью рисовал картины дифференциации деревни, роста кулачества и нищеты крестьянских масс. Ольга настоятельно советует Саше Щербо читать Успенского.

Стремясь как можно глубже познать народную жизнь, Ольга в это же время знакомится с сочинениями популярного писателя Н. Н. Златовратского. В дневнике Ольга Ильинична перечисляет прочитанные ею произведения Златовратского¹.

После знакомства с повестью «Крестьяне-присяжные», которая принесла автору заслуженную известность, Ольга ставит в скобках только одно слово — «Фомушка». Этот герой являлся центральной фигурой повести, в его уста автор вложил народную мечту о социальной справедливости, о «крестьянском устройении согласно желанную мирскому».

Ольга читает рассказ «В артели». Рассказ имел подзаголовок «Из записок петербургского пролетария». Третьестепенная газетенка, ютящаяся где-то на задворках. Стучит ручной пресс. Лампы с осколками вместо стекол, с абажурами, склеенными из бумаги... Газета делается примитивно, ножницами. «Нумер кое-как наполняется чужим материалом», из различных газет вырезаются «огрызки» передовых статей и корреспонденций.

Корректор этой газеты, потерявший работу, попадает в артель водовозов, состоящую из 12 человек. Петербургскому «фабричному люду» (несколько человек из этой среды

¹ В нашем разборе мы сохраняем ту последовательность, в какой эти произведения перечисляются в дневнике Ольги Ульяновой.

оказалось здесь) — «мелким, худым, затомленным, в плохой одежке» — противостоят пришлые крестьяне — «большую частью тверяки, здоровые, коренастые, железных мускулов, с несокрушимыми спинами». Они образовали «общежительство». Автор восторженно пишет об этом. Один из персонажей, который, по мысли Златовратского, «умеет вникнуть в суть дела», обстоятельно разъясняет корректору, что «артель — дело великое», что она основана «на принципе чистого самоуправления и полной равноправности».

Ольга Ильинична сопровождает этот рассказ только одним кратким замечанием: «Идеализация общины»; оно показывает, что девушка прекрасно разбиралась в тенденциях творчества писателя, действительно идеализировавшего общинный уклад.

Рассказы «Авраам и Дерев[енский] король Лир» не сопровождаются никакими пометками. Зато пристальное внимание Ольги Ильиничны привлекает рассказ «Горе старого Кабана». Она выделяет персонаж рассказа — «Тип «девки с душой» Степаша».

«Девка с душой» — печальное явление в жизни старой русской деревни. Это, по описанию Златовратского, «обыкновенная крестьянская девка, здоровая, мужиковатая, грубая, некрасивая. После смерти матери осталась она одна при старике-отце. В десять лет она уже тянула с отцом тягло, как и настоящий мужик. И лето и зима были сплошным, бесконечным временем труда;

этого труда было так много, что девке некогда было уже задуматься о «друге сердца» и она не успела завоевать себе мужа. Да и деревенские «джентльмены» больше склонялись считать ее за товарища, чем за «друга сердца»; они слишком уж запанибратски хлопали ее по спине, так как вполне были уверены, что она им ответит тем же».

Степаша — «девка с душой» — некрасивое, несчастное существо. Ее обделила и природа и люди; покорно тянет она свою лямку. Ее горестная, несправедливая судьба тронула сердце Ольги Ильиничны.

В рассказе Златовратского есть еще и другой герой — старый Кабан. Он тоже глубоко несчастен. Правда, он живет в хорошем доме, имеет вкусную еду, добротную одежду и, однако, тоскует и скучает. В чем дело? А в том, что он оказался «лишний деревенский человек», что он «потерял смысл жизни». Этот извечный неустанный труженик ничем не может самостоятельно распорядиться в хозяйстве, ибо он превращен в иждивенца сына-артельщика, зарабатывающего «легкие деньги» в городе.

Кабан жалеет Степашу и хочет облегчить судьбу «девки с душой». Но из его добрых намерений ничего не выходит. Оторванный от привычной, трудной, но «правильной» жизни, старый Кабан находит один выход: он начинает пить до потери сознания — и погибает.

Выписав название рассказа Златовратского «Горе старого Кабана», Ольга Ильинич-

на отмечает: «Та же идея, как у Успенского, в «Взбрело в башку»».

Пометка эта интересна. Рассказ Успенского, который вспоминает Ольга, был напечатан впервые в журнале «Русская мысль» (в VI книге за 1888 год). Выходит, Ольга Ильинична читала его сразу после напечатания.

Ольга Ильинична верно уловила общее в психологической драме героев Златовратского и Успенского. Иван Алифанов (из рассказа «Взбрело в башку») — умный мужик, однако жизнь его сложилась незавидно. Его чистую любовь растоптали «звери-родители», злая, деревенская жизнь. Он едва не пошел «ко дну» — буянил, воровал, сидел в тюрьме. Возвращение к деревенскому труду, женитьба на тихой, безропотной женщине вновь вернули его в колею.

Но случился урожайный год, образовался у Ивана Алифанова «досуг времени», а с ним вернулись к нему и мрачные мысли о его «скверной, изломанной, мрачной жизни». Стал Иван Алифанов предаваться разгулу с заезжей «городской птичкой», стал пить горькую и едва не пропал.

Кабан не мог вернуться к трудовой «правильной» жизни и погиб. Ивана же обуяло безумное желание «опять пристать к труду. И небо и земля, и дождь и снег, и люди и животные — все теперь опять вошло с ним в связь, и он опять в связи со всем творением божием». И он воскрес «из мертвых».

Глубокое раздумье Ольги вызвал рассказ

«Пропала деревня». Она пишет в дневнике: «Чрезвычайно интер[есен] тип бывш[его] семинар[иста] Б-ского, сделавшегося судебным приставом».

Кто такой Б-ский? Он сам рассказывает о себе, что он «большой любитель чтения», мечтал об университете, но семейные обстоятельства заставили его поторопиться «избрать род жизни». Он, выписывает Ольга слова героя, — «птица маленькая, исполнительное орудие»... Б-ский считает, что его дело — сторона, что он ни к чему не причастен. В ночь, когда над городом разразилась ураганная буря, Б-ский повесился. Молва приписала это «обманутой любви». Автор рассказа от себя добавляет: «Мои предположения были иные».

Внимательная читательница, Ольга Ульянова, видимо, согласна с автором. Она полагает, что молодой судебный пристав покончил жизнь самоубийством именно потому, что суровая действительность оказалась не в ладу с его легкомысленной теорией о непричастности ни к добру, ни к злу. Размышляя о судьбе героя этого рассказа, Ольга Ильинична, думается, хотела сказать, что человек несет ответственность за свои поступки и свою жизнь и никто не может безнаказанно отказаться от нее.

Два рассказа — «Шапка» и «Хлопцы» — из тех, что у Н. Н. Златовратского объединены общим заголовком «Рассказы заводского хлопца», — были прочитаны Ольгой Ульяновой, но никаких пометок не вызвали.

Зато третий рассказ из этого цикла — «Иван Якимыч — питерский учитель» — привлек ее внимание.

Иван Якимыч, приставленный учить грамоте несчастных хлопцев на полукрепостнической фабрике, — сам человек подневольный. Он мечтает о лучшей жизни, но бессилен что-нибудь изменить в окружающей действительности или указать людям путь борьбы.

Ольга Ильинична делает из этого рассказа несколько выписок. Первая. Иван Якимыч — питерский учитель, «молвивший у жизни только любви и встретивший злобу, ненависть, подозрение» (это из характеристики автора). И вторая выписка — из рассуждений самого учителя: «Нет, братцы, за вас будут другие начальники, — держатели света и знания, — с любовью и наукой выступят они». «В нас нет этой силы святой и благодатной. Мы рабы».

Фразы, выписанные Ольгой, свидетельствуют, что судьба учителя — незадачливого правдолюбца — волновала ее.

Душевные искания Ольги Ильиничны несомненно не проходили мимо брата. Недаром Мария Ильинична, рассказывая впоследствии об алакаевском периоде их жизни, писала: «По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами».

Не без влияния Владимира Ильича Ольга читает серьезный труд Гизо «История Франции»; изучает «Историю цивилизации

в Англии» Бокля — книгу, которой увлекалось не одно поколение русских разночинцев; в дневнике она отмечает заинтересовавшие ее журнальные статьи: «Очерки русского национального сознания» В. Соловьева («Вестник Европы», кн. 9); «Критические и догматические элементы философии Канта» («Северный Вестник», кн. 11).

Из художественной литературы она отмечает «Скучную историю» А. П. Чехова.

В Алакаевке Владимир Ильич занимался глубоким изучением теории научного социализма, в которой он искал ответ на животрепещущие вопросы русской действительности. Несомненно, что именно с помощью брата Ольга приобщается к марксистской литературе.

Сочинений Маркса и Энгельса тогда в России было мало, тем более трудно было их достать в глухой самарской деревне. Но Владимир Ильич знал «Манифест Коммунистической партии» на немецком языке; читал книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» по-английски. Анна Ильинична рассказывает, что вместе с сестрой Ольгой они читали «Нищету философии» на французском.

Не только общность интеллектуальных интересов, но и любовь к музыке и пению сближала брата и сестру.

Владимир Ильич был очень музыкален и уже взрослым человеком сожалел, что не

научился играть на рояле или скрипке. Он охотно пел сам, с удовольствием слушал, когда пел М. Т. Елизаров, любил хоровое пение. Самым захватывающим «номером» в «домашнем концерте» была песня «Пловец» на слова поэта Н. Языкова. Владимир Ильич и Ольга Ильинична пели любимую песню дуэтом:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Сильно и вдохновенно звучали слова:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

Эта песня очень точно передавала те глубокие чувства, которые переполняли их молодые сердца.

Несколько лет тому назад Ольга Дмитриевна Ульянова нашла в архиве своего отца Дмитрия Ильича большой нотный альбом в темно-коричневом переплете с потрепанным кожаным корешком; на обложке альбома золотое тиснение — О. У. Этот альбом принадлежал Ольге Ильиничне Ульяновой.

Ольга Ильинична имела обыкновение записывать на нотной бумаге полюбоившиеся ей романсы, песни, арии из опер. Когда нот набиралось много, их переплетали. В сохра-

нившемся альбоме Ольги — арии из опер Гуно, Верди, Верстовского, романсы Чайковского, Даргомыжского, Гурилева, старинные русские песни.

2

На зиму Ульяновы переехали из Алакаевки в Самару.

После Казани, где были университет, театр, Самара выглядела захолустной, особенно непривлекательной. А. М. Горький, приехавший в Самару в 1895 году, дал ей характеристику, вполне соответствующую и тому времени, когда в ней поселилась семья Ульяновых: «На набережной города Самары следовало бы устроить ...вывеску... и на этой вывеске написать:

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней
встретить культуру,
Вспять возвратися, зане город сей груб и убог.
Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и
шкуру,
Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог.

Самару называли «русским Чикаго». Здесь жили купцы-миллионеры, разбогатевшие на торговле хлебом. Самара славилась тем, что в ней было тогда 3 собора, 2 монастыря, 22 церкви и... 196 кабаков. В городе жило более 100 тысяч человек; грамоту знало едва ли 8 тысяч, а остальные еще не имели «желания знать таковую».

А. М. Горький остроумно высмеивал «ин-

теллектуальные» запросы мещан. «Я ужасно люблю говорить о литературе с самарским обывателем,— писал он,— всегда, знаете, услышишь массу новенького по этой части... Он не прочь похвастаться знанием иностранной литературы и при случае обязательно и любезно оповещает вас, что Вальтер Скотт написал новый роман «Хижина дяди Тома», а Поль-де-Кок вкупе с Мопассаном сочиняют превеселую штуку под заглавием «Мемуары женской подвязки»».

«Иегудинл Хламида» — под этим псевдонимом А. М. Горький помещал в «Самарской газете» страстные разоблачительные фельетоны. Он вряд ли преувеличивал, когда восклицал: «Мы по существу нашему ужасно пустой народ, что-то вроде труб, через которые глаголят Ерунда, Чепуха, Галиматья и все иные нелепые чудовища»...

* *

*

Ульяновы после долгих поисков квартиры поселились на восточной окраине города. Район этот был неблагоустроенный: узенькие тротуары, редкие керосиновые фонари. Улица не мощена, изрыта колесами, дождями и свиньями.

А. Беляков, участник первого марксистского кружка в Самаре, которым руководил Владимир Ильич, в своей книге «Юность вождя» оставил описание удивительно чистой и благородной атмосферы, царившей в семье Ульяновых.

«Много раз,— пишет он,— мне приходилось бывать у Владимира Ильича в квартире его матери, Марии Александровны, бесконечно доброй, ласковой и особенно приветливой старушки, о которой я всегда и до сих пор вспоминаю с какой-то исключительно трогательной и глубокой нежностью. Я впервые в жизни встречал женщину, у которой так ясно чувствовалась какая-то особенно глубокая, трогательная и печальная ласка ко всякому юноше, приходившему в ее дом...

Скляренок и меня поражала та изумительная нежность, с которой Владимир Ильич при встречах и при расставаниях с матерью целовал ей руку. Всякого другого за такие «барские» обычаи мы бы тогда подняли на смех, заулюлюкали бы, сжили бы со свету. Но здесь мы как-то сразу согласованно почувствовали, что это не барская манера. В этом целовании руки сказывалась вся безмерная скорбь об утрате брата Александра, вся нежность сыновней любви, вся сила пламенного желания смягчить острую боль утраты, выразить бесконечную ласку...

Во время воскресных, сравнительно редких ульяновских чаепитий за общим столом в присутствии Владимира Ильича всегда было очень оживленно, весело. Яркая, сочная мысль, ясное, отчетливое, ядреное слово превращали всякую беседу, даже по пустяковым вопросам, в живой фейерверк не слов, а мыслей».

Ольга хорошо знала товарищей брата, бывавших у них дома. Она была в добрых отношениях с дочерью известного присяжного поверенного А. Н. Хардина, у которого впоследствии работал Владимир Ильич; была близко знакома с Анной Абрамовной Кацнельсон — популярным в городе зубным врачом; квартирой ее пользовались для своих собраний революционные народники, а позже — члены самарского марксистского кружка. Бывал в этой квартире и Владимир Ильич.

...А недреманное жандармское око продолжало и тут неусыпно следить за Ульяновыми. Оно только расширило сферу своих наблюдений: поднадзорными стали и младшие члены семьи. Попечитель Казанского учебного округа обязывал директора Самарской гимназии иметь за поведением Дмитрия Ульянова «особое наблюдение».

Характеризуя Дмитрия Ульянова как скромного подростка, не проявляющего «наклонности к неповиновению», директор Казанской гимназии Соколов предупреждал: «Но кто может поручиться за будущее направление этого юноши, если он проживет в обстановке, возбуждающей, по-видимому, некоторые сомнения? Старший сын Ульяновой, 19 лет, исключенный за беспорядки из университета без права вторичного поступления... не представляет благонадежного элемента семьи и ее будущего направления».

Охранников немало беспокоило и то обстоятельство, что Мария Александровна жи-

вет вместе со старшей замужней дочерью и младшие дети, таким образом, не будут избавлены «от дурного влияния и постоянного сообщества своего крайне вредного родственника — Марка Тимофеевича Елизарова.

Самарскую квартиру Ульяновых многократно (разумеется, без приглашения, в порядке надзора) навещал классный наставник. С 10 октября 1889 года по апрель 1890 года классный наставник Кочкин был в квартире Ульяновых четырнадцать раз! О каждом его «визите» директор гимназии подробно сообщал попечителю Казанского учебного округа.

В одно из посещений классный наставник имел случай увидеться со старшим сыном Ульяновой, «но... они ничего друг другу не сказали, а обменялись поклонами и взглядами».

Доносчики пускаются на всевозможные хитрости. Нимало не смущаясь, они указывают, что «посещали квартиру вечером, в 5 или 7 часу, когда уже зажигаются огни», но и в это время «посторонних лиц не встречалось». Некоторые сообщения были тенденциозны. Так, классный наставник сообщает директору, что у гимназиста Дмитрия Ульянова «из книг для чтения можно было видеть на учебном столе его сочинения Гоголя. Из гимназической ученической библиотеки ему даны некоторые исторические романы Вальтер Скотта».

Этот спокойный тон вдруг прерывается гневом:

«В одно из прежних посещений г. инспектирующим был усмотрен на столе Ульянова один том сочинений Помяловского, признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных. Это сочинение было взято воспитанником из домашней библиотеки. Но вина в этом прискорбном обстоятельстве всецело падает на старших членов семьи... По поводу этого случая я беседовал с матерью о вреде книг отрицательного направления для юношеского возраста и просил ее закрыть своему сыну доступ в домашнюю библиотеку, где могут быть и другие книги, не соответствующие его возрасту».

Эта реляция классного наставника — фактически донос на ульяновскую домашнюю библиотеку.

В пору реакции и безвременья 80-х годов царская власть жестоко преследовала передовую, демократическую литературу. Сви-репствовала цензура, устраивались «чистки» библиотек.

В одном из писем к матери В. М. Гаршин с грустью писал: «Я видел недавно список книг, которые должны быть изъяты из публичных библиотек. До 350 названий, в том числе сочинения Добролюбова, Писарева, Левитова, Златовратского, Помяловского, Спенсера (почти всё), Шелгунова, Михайловского, много книг по геологии и вообще естественным наукам».

Большинство этих книг имели в своей библиотеке и читали в семье Ульяновых.

Самая младшая в семье — Мария — готовилась к поступлению в Самарскую гимназию. По всем предметам с ней занималась Ольга Ильинична, имевшая уже некоторый педагогический опыт: в Казани она давала уроки 11-летней девочке. Ольга была тогда очень привязана к своей ученице и относилась к занятиям добросовестно. В одном из писем к Саше Щербо она делится впечатлениями о своей ученице и рассказывает, какие «коварные» вопросы та ей задает: «Недавно как-то за уроком она вдруг спрашивает меня: «А кто это дьявол?» Как это тебе нравится?»

Тщательно, настойчиво занималась Ольга Ильинична и с сестренкой. «Давала урок Мане», «занималась с Маней и Митей», «занималась с Маней утром и вечером», — пестрят записи в ее дневнике.

Ольга Ильинична хорошо подготовила сестру, и осенью 1889 года та поступила во второй класс Самарской гимназии. Как все Ульяновы, Мария отличалась не только прекрасными способностями, но и прилежанием, трудолюбием, серьезным отношением к своим обязанностям.

Окончание полного гимназического курса с золотой медалью давало Ольге Ильиничне право занять место учительницы, и она подала прошение в Самарскую городскую думу. Категорический отказ, который она по-

лучила, сильно ее огорчил. В письме подруге в Симбирск Ольга писала, что потерпела неудачу, ибо было «нужно нечто посущественнее золотой медали, а именно протекция», чего у нее не оказалось.

Стремление Ольги стать учительницей не было случайным. Она высоко ценила эту сферу деятельности и могла бы сказать о себе вдохновенными словами Л. Н. Толстого: «...Когда я вхожу в школу и вижу... толпу оборванных, грязных, худых детей, с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить, и кого прежде, кого после вытащить! И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских... Ломоносовых. А они кишат в каждой школе».

После окончания гимназии Саша Щербо стояла на распутье. У нее были «горячие, но неясные мечтания о народе». Она делится своими думами с Олей Ульяновой, спрашивает ее совета: не подать ли ей прошение на место народной учительницы?

Ольга отвечает подруге: «Учительство, по-моему, одно из самых полезных и высоких занятий».

Тут сказалась прежде всего наследственная, «ульяновская» черта — в семье высоко

ценили просветительскую деятельность, преклонялись перед жизненным подвигом народного учителя.

Ольга Ильинична советует своей подруге для получения некоторого опыта посещать уроки Веры Васильевны Кашкадамовой. Вера Васильевна была ближайшей помощницей И. Н. Ульянова, разделяла его идейные убеждения и учебно-воспитательные установки. Она подружилась также с Марией Александровной и в тяжелые минуты была ей верным другом.

Вера Васильевна Кашкадамова была замечательной представительницей разночинной интеллигенции. Ее отец окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Назначенный земским врачом в один из уездов (Сенгилеевский) Симбирской губернии, он одновременно исполнял обязанности врача народных училищ. Но Василий Иванович Кашкадамов не ограничивался только — хотя и крайне добросовестным — исполнением служебных обязанностей. Он разъезжал по деревням и селам, оказывая бесплатную медицинскую помощь нуждающимся. Этим он завоевал большую популярность в крестьянской массе. В духе любви к народу воспитал он и свою дочь.

Скопив небольшие денежные средства за свой труд домашней учительницы, Вера Васильевна в 1877 году поступила учиться на женские курсы в Казани. По их окончании ей предложили место преподавательницы

математики в Симбирской Мариинской женской гимназии. Это была не только хорошо оплачиваемая работа, она давала и «положение в обществе». Однако В. В. Кашкадамова неожиданно для окружающих отказалась от выгодного и почетного места и приняла приглашение И. Н. Ульянова — занять должность учительницы в 5-м женском приходском училище.

Забегая вперед, скажем, что Вера Васильевна после Великой Октябрьской социалистической революции самоотверженно работала над строительством советской школы. В 1925 году ВЦИК присвоил ей звание Героя Труда.

Тесная дружба связывала ее с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой. В. В. Кашкадамова была прекрасным, душевно щедрым человеком. Вскоре после ее смерти (12.V.1931 года) Анна Ильинична писала их общей знакомой Марии Ивановне Герасимовой: «Да, действительно, унесла Вера Вас[ильевна] с собой ваше счастье; она ведь была как-то богата им, оно разливалось от нее повсюду».

Вот жизнь, которая вдохновляла Ольгу! Ее она ставила в пример своей подруге. Когда Саша Щербо написала ей, что их одноклассница Маркова получила место учительницы французского языка в гимназии, Ольга Ильинична отвечает: «Я не позавидую Марковой, хотя она получит хорошее место, будет получать большое жалованье и будет хорошо принята в обществе... Мне

гораздо более симпатична должность учительницы народной школы. Эта работа тем особенно привлекательна, что учительница видит своих учеников не раз три по часу в неделю, а каждый день и, следовательно, кроме науки, может сказать им живое слово...»

Это высказывание удивительно перекликается с мыслями И. Н. Ульянова. Ведь Илья Николаевич держался именно того мнения, что в народной школе учительница не только выполняет очень нужную функцию — обучения ребят, но и, что еще важнее, их гражданского и нравственного воспитания.

Педагогические взгляды Ильи Николаевича оказали огромное влияние не только на его детей, но и на племянницу — Любовь Ивановну Веретенникову. Любовь Веретенникова была связана с революционными кружками; в начале 70-х годов она учительствовала в сельской школе.

В письмах к подруге она тепло рассказывает о своих беседах с Ильей Николаевичем, оказавших большое влияние на ее судьбу. Она пишет, что могла бы устроиться учительницей в городе, но предпочитает остаться в деревне. В мотивировке почти дословно повторяются Олины, «ульяновские», слова. Она пишет: «Там (в деревне) ты ближе живешь с крестьянскими детьми — своими учениками, и потому можешь не ограничивать твои отношения к ним только уроками, да и, наконец, ты можешь влиять и на

их семейную обстановку; в городе же это почти невозможно».

Раздумывая над тем, что Маркова получила место в гимназии, Ольга пишет: «Помоему, завидна доля того человека, кот[орый] приносит *действительную* (курсив О. У.) пользу из желания приносить ее... а это занятие французским языком скорее развлечение, чем действительная польза. Девушки учат спряжения avoir, être и т. п. главным образом за тем, чтобы уметь сказать в обществе несколько слов по-французски...» «...Марковой... и в голову не приходят подобные глупые рассуждения. Она ведь человек практический», — с нескрываемой иронией замечает Ольга. Она полна ненависти к мещанскому укладу, презрения к житейской выгоде, к погоне за житейскими благами. Ей абсолютно чужды люди, подобные Марковой. «Я ее и не люблю — писала она, — именно за полное отсутствие идеальности, т. е. стремления к лучшему не с материальной, а нравственной точки зрения...»

«Нравственная точка зрения» всегда была характерна для Ольги Ильиничны Ульяновой. В этом плане интересен спор, который разгорелся между подругами вокруг произведений писателя Болеслава Маркевича.

Болеслав Маркевич (1822—1884) ныне забыт, и имя его мало говорит современному читателю. Этот плодовитый писатель и публицист (псевдоним «Иногородний обыватель») был представителем крайней ре-

акции, «зубр феодальной аристократии», по образному определению А. В. Луначарского.

Верный охранитель самодержавия и крепостнического строя, Маркевич не гнушался выступить и в роли прямого доносчика. Уничтожающую характеристику Маркевичу дал И. С. Тургенев в своем письме в редакцию журнала «Вестник Европы»: «Правда, ему ни терять, ни бояться нечего: его имя стало нарицательным именем, и он не из числа людей, которых дозвоительно потребовать к ответу».

Сторонники и поклонники Маркевича не уставали подчеркивать его популярность среди читателей: его книги-де никогда не залеживаются на книжной полке в библиотеках. К. К. Арсеньев в статье «Роман как орудие регресса» остроумно высмеял эту попытку консервативных критиков прибегнуть к ссылке «на всеобщую подачу голосов». «Они забывают,— писал он,— что каково бы ни было значение большинства в политике, в литературе оно решающей власти не имеет и иметь не может».

Нельзя, конечно, отрицать, что Маркевича читали. Тому было много причин, и главная та, что он работал на широкую массу обывателей. Провинциальные барышни, мечтавшие о «шикарной жизни» и увлеченные «бурными», «демоническими» страстями, которые разыгрывались на страницах романов Маркевича, были страстными его почитательницами. К ним принадлежала и Александра Щербо. Ольга Ульянова пылко

спорила с ней. Уже в одном из ранних писем из Казани, относящихся еще к 1887 году, она пишет: «...Маркевич, я бы не пожалела, если бы он и вовсе пропал».

Ольга Ильинична пишет, что «стычки из-за Маркевича» у нее были и с другими одноклассницами. Они яростно напали на нее, когда она сказала, что никому не посоветует читать эти пошлые книги. Сначала она отделывалась в своих письмах беглыми ироническими замечаниями. Но когда Александра Щербо заявила, что она предпочитает Маркевича Достоевскому, тут уже Ольгу, что называется, «прорвало». Она пишет едва ли не целый трактат, и многие ее замечания очень метки.

Романы Маркевича были гнусным, отвратительным поклепом на молодое поколение. Главный «революционер» «Волк» в представлении автора личность, долженствующая иметь «нечто общее с Желябовым». На самом деле — это законченный негодяй, грязный циник; его поступки и рассуждения под стать оголтелому уголовному преступнику. Он активно действующее лицо в романе «Бездна», о котором Ольга писала кратко, но выразительно: «Противная «Бездна», в ней, действительно, «бездна чепухи»».

Она пишет «беспощадную критику» и на роман «Четверть века назад»: «Какой сюжет у Мар[кевича] в «Четверти века назад»? Ну, разумеется, картина русской жизни и нравов за 25 л. Описывает М[аркевич] только одну блестящую аристократию, простых

смертных не допускается в его произведениях, они недостойны его пера», — издевается Ольга Ильинична над автором.

«Какую же жизнь ведет эта аристократия? Исполняет «Гамлета» на домашнем спектакле, дает вечера, обеды, — с презрением пишет девушка, — играет в любовь, как в карты (примером служит ваш любимец Асанин), торгует собой, как, например, Ольга Елпидифовна, и, наконец, умирает от любви, как, например, княжна Лина и князь Ларион!» У Ольги Ильиничны острое критическое перо, но она не мажет всех персонажей одной черной краской.

Так, она пишет, что «княжну Лину нельзя ставить наряду с другими; это кроткое, чистое, но слабое создание «не от мира сего», и понятно, что она умирает в этой гнилой среде после безуспешной попытки вырваться из нее, выйдя замуж за Гундунова».

Охранительная критика, на потребу которой «творил» Маркевич, подымала на щит Гундунова, как положительного героя, которого она ставила в ряд с героями произведений Л. Толстого (1). Но Ольга Ульянова очень убедительно развенчивает его. Она пишет: «Но позвольте: что нашла бы княжна Лина в Гундунове; что делает этот идеальный Гундунов? Играет Гамлета — это прежде всего, но жить в доме кн. Аглаи, которую он презирает, наслаждаться роскошью, приобретенной нечестно, — этого не сделать идеально честному человеку, каким хотел Маркевич сделать Гундунова».

Эти слова относятся не только к литературному герою, они являются выражением и принципиальной жизненной позиции автора письма. Быть «идеально честным человеком» — это стремление всех молодых Ульяновых.

Отвечая на высказывания подруги, Ольга пишет: «Ты возразишь мне, что после смерти Лины Гундуrow занимался освобождением крестьян; да вот оно тут кстати подвернулось, освобождение-то; а когда крестьян освободили, что же тогда делал Гундуrow? У Маркевича помянуто, что он что-то такое делал в либеральном духе, но что же именно, я не могла взять в толк». Ирония этих слов попадает не в бровь, а в глаз, потому что на самом деле Гундуrow являлся представителем поместного дворянства, которое всегда готово было покориться центральной власти. Гундуrow в романе произносит пламенную речь в защиту царя и самодержавия.

Лина — со своей чистой, идеальной любовью и бескорыстием, презиравшая сплетни и никчемный образ жизни светской черни, стремившаяся к чему-то лучшему — одна привлекла симпатии Ольги Ульяновой. Она признается подруге, что написала княжне Лине эпитафию...

Ольга Ильинична не могла равнодушно пройти и мимо безвкусия и пошлости стиля Маркевича: «Построение фраз у Маркевича, по-моему, не русское, и вообще в нем я не вижу совсем национальности».

Восторженно, с любовью относится Ольга Ульянова к поэту Надсону. Стихи Надсона читали в семье Ульяновых; их любила Анна Ильинична — человек взыскательного литературного вкуса. Находясь в ссылке в Кокушкине, она писала своей подруге (24 января 1888 года) об испытанной ею радости: «Мама прислала из Казани посмертное издание Надсона — я его так люблю! Я нахожу в нем так много своих мыслей и чувств, и это так приятно».

Юноши и девушки, которые не хотели примириться с гнетом действительности, не хотели признать себя «робким, больным поколением», искали и находили в стихах Надсона протест против душной атмосферы 80-х годов. За туманными фразами о полумистическом «Ваале», который погибнет, им слышался призыв к общественно полезной деятельности, к борьбе с гнусной обыденщиной, со злом и неправдой русской жизни.

Ольга Ульянова писала Щербо: «Знаешь стихи Надсона «Наедине» и «Если душно тебе...»? Чудесные стихи! Я всегда твержу их, когда мне грустно...»

Она приводит особенно полюбившуюся ей строфу:

Дела много — не складывай руки,—
Это дело так громко зовет!
Сколько жгучих страданий и муки,
Сколько слез облегчения ждет!..

Ольга Ильинична страстно желает по-друге найти «дело», чтобы вылечиться от хандры. Она сама переживала в это время душевный подъем. Исполнилось ее заветное желание: она уезжает в Петербург учиться. Она не скрывала, что много трудностей ждет ее впереди, но «когда я подумаю о том, чего можно достигнуть, то чувствую, как будто у меня крылья вырастают».

«Крылья вырастают» — это не красивая аллегория. Нет, Ольга понимала, что перед ней открывается широкая дорога, что она обретет подлинный смысл, настоящую цель жизни.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Петербург. Высшие женские курсы. Забота о близких. Занятия. Знакомство с марксизмом. Приезд Владимира Ильича. Болезнь и смерть Ольги Ильиничны.

1

29 марта 1890 года Ольга Ильинична Ульянова подала прошение «Его превосходительству господину начальнику Самарской губернии» с просьбой выдать ей «свидетельство о благонадежности», необходимое для поступления в высшее учебное заведение.

Однако губернское начальство не решилось это сделать и запросило всесильного начальника департамента полиции П. Дурново: Ольга Ульянова в Самаре «всего несколько месяцев, ни в чем предосудительном и в политической неблагонадежности замечена не была, но живет вместе с сестрой Анной Елизаровой, состоящей под гласным надзором полиции, и братом Владимиром Ульяновым, состоящим под негласным надзором полиции...»

В ответ последовало распоряжение: «Выдать свидетельство, что ни к каким делам не привлекалась», и 27 апреля 1890 года Ольга Ильинична получила свидетельство «о политической благонадежности».

24 августа этого же года на имя директора Высших женских курсов в Петербурге от Ольги Ульяновой поступило

П р о ш е н и е

«Желая поступить на физико-математическое отделение Высших женских курсов, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о принятии меня в число слушательниц с тем, чтобы жить в интернате.

Прилагаю мои документы:

- 1) метрическое свидетельство;
- 2) аттестат;
- 3) свидетельство о благонадежности; разрешение матери, удостоверение о материальном моем обеспечении на четыре года и фотографические карточки представляю в самом непродолжительном времени».

При прошении Ольга Ильинична указывает свой петербургский адрес: квартиру двоюродной сестры Екатерины Ивановны Веретенниковой-Песковской.

Прошение Ольги Ильиничны не было принято к немедленному рассмотрению; на него была наложена резолюция: «Ожидать доставления остальных документов».

1 сентября канцелярия Высших женских курсов получила необходимые документы, написанные матерью абитуриентки.

Первый:

«Я, нижеподписавшаяся, удостоверяю, что не имею препятствий к поступлению дочери моей, Ольги Ильиничны Ульяновой, на Высшие Женские Курсы».

И второй:

«Я, нижеподписавшаяся, удостоверяю, что имею средства для содержания дочери моей Ольги Ульяновой в интернате при Высших Женских Курсах в продолжение четырех лет».

Для тысяч и тысяч девушек в России, стремившихся к самостоятельности, мечтавших о «храме науки», сопротивление родителей нередко было тем камнем преткновения, о который разбивались все мечты.

Софья Ковалевская обладала гениальным математическим дарованием, но могла посвятить себя науке, лишь прибегнув к фиктивному браку. В те годы это было распространенным явлением: фиктивный брак давал возможность освободиться от родительской тирании.

Неисчислимые преграды должна была преодолеть и другая русская женщина, первой получившая ученую степень доктора прав,— Анна Михайловна Евреинова. Ее отец, важный генерал, заявил, что «лучше увидит дочь в гробу, чем в университете».

Но обратимся к более близкому времени и почти к той же социальной прослойке, к какой принадлежала Ольга Ильинична.

Сестры Невзоровы (Зинаида училась в одно время с Ольгой Ульяновой и была ее близкой подругой) родились и провели детство в семье нижегородского учителя. После окончания Нижегородского института благородных девиц они смогли осуществить мечту своей жизни — «пробиться» на Выс-

шие женские курсы, но каких невероятных усилий им это стоило! Старшая, Софья Павловна, вспоминала: «Целых девять лет прошло у меня в мучительной борьбе с материальными недостатками и с родителями, чтобы завоевать себе право на высшее образование».

Биограф Зинаиды Павловны пишет, что она могла поступить на курсы только «после ряда просьб о выдаче письменного согласия родителей и тяжелых семейных сцен».

А Мария Александровна Ульянова, которая должна была на получаемую пенсию поставить на ноги еще двоих маленьких детей, ни минуты не колеблясь, дала согласие на то, чтобы сын и дочь учились в высших учебных заведениях.

Наконец все формальности выполнены. Ольга Ильинична Ульянова зачислена на Высшие женские курсы, на физико-математическое отделение.

2

А медицина? Ведь Ольга Ильинична стремилась учиться на медицинском факультете Гельсингфорского университета и стать врачом. Выяснилось, что для поступления в университет требуется знание еще и финского языка, и, не желая терять года, Ольга поступила на Высшие женские курсы. Но, как рассказывала Анна Ильинична, Ольга

не исключала мысли об отъезде за границу для получения медицинского образования.

Профессия врача особенно привлекала девушек 70—80-х годов: она открывала дорогу к общественно полезной жизни.

В царской России велась яростная борьба против обучения женщин естественнонаучным дисциплинам. Матерый реакционер Мещерский в своем журнале «Гражданин» писал: «Девушка, порезавши досыта лягушек, теряет способность полюбить весь мир таинственных прелестей матери и жены». Оскорбление... «вечной женственности» — таков был наиболее распространенный довод черносотенной пропаганды.

На Петербургских педагогических курсах, организованных известным педагогом Вышнеградским, представители Министерства просвещения в целях «тщательного охранения женской стыдливости» признали особенно неприличным для женщин лекции по зоологии, физиологии, анатомии. Допускалось, правда, исключение. «Может быть излагаемо... образование и постепенное развитие цыпленка, лягушки, рыбы и всех низших животных, напр. насекомых и т. п., ибо у этих животных развитие происходит совершенно иначе, нежели у человека; но и здесь описание органов и происходящих в них процессов должно быть пропускаемо».

Реакционеры всячески сопротивлялись появлению «доктрисс». Они усматривали в этом опасность ни более ни менее как... самому факту продления человеческого рода.

Женщина не станет больше рожать, «детей будут высиживать машины, как куриные яйца» — так пугали обывателей.

Вопрос о женском медицинском образовании не переставал тревожить передовую общественную мысль. Матвей Леонтьевич Песковский, родственник Ульяновых, горячий сторонник высшего образования для женщин, писал: «...Под влиянием этой великой идеи, не находившей практического применения и нормального исхода в России, начало развиваться бегство русских женщин за границу...»

Подвижнический труд первых женщин-врачей производил огромное впечатление на молодежь и вызывал страстное стремление подражать им.

В середине XIX века на всей территории Российской империи было немногим более восьми тысяч врачей; акушеров и того меньше. А так как врачи и акушерки практиковали по преимуществу в городах, то основная масса населения страны была почти полностью лишена медицинской помощи.

Профессор патологии Университета святого Владимира в Киеве А. Шкляревский в официальной докладной записке писал: «Более 50% русских детей умирает, не достигая второго года жизни. Несчетное число матерей гибнет в городах и селах жертвами неумения или невежества подающих помощь роженицам. Целые околотки заражены сифилисом, и число зараженных не уменьшается, растет с годами на несчастье нынеш-

него и будущего поколений. Губительные эпидемии опустошают целые области, и наличная врачебная помощь часто не в состоянии поставить им сколько-нибудь существенные преграды».

Общественные и государственные интересы России диктовали необходимость увеличения отряда женщин-врачей. Вопрос об открытии женского медицинского института стал в порядок дня.

* *
*

Ольге Ульяновой профессия врача была особенно дорога. В их семье слово «врач», как и слово «учитель», было синонимом беззаветного, самоотверженного служения людям.

Дед, отец матери, Александр Дмитриевич Бланк окончил в 1824 году Петербургскую медико-хирургическую академию. В течение четверти века он напряженно работал, показав себя энергичным, знающим врачом и умелым организатором лечебного дела. География его деятельности была довольно обширной — он состоял ординатором больницы в Петербурге, боролся с эпидемией в Олонецкой губернии, был инспектором врачебной управы в Перми, в течение нескольких лет заведовал заводским госпиталем в Златоустовском горном округе на Урале. Он образцово поставил лечение рабочих, зачастую закупал лекарства для них даже на собственные средства. А. Д. Бланк вышел в

отставку в 1849 году и поселился в Кокушкине.

Мария Александровна — младшая в семье — росла без матери и была любимицей отца. Ее племянница Мария Ивановна Веретенникова рассказывает, что не только тетю, но позднее и мужа ее — Илью Николаевича Ульянова — дед любил больше всех других.

Когда в Пензе Мария Александровна заболела, «старик дедушка зимой в трескучий мороз помчался, железных дорог не было, на лошадях к ней и всю дорогу стоял в саниах и гнал лошадей. Приехав, он вылечил дочь своим водолечением, что было его специальностью».

Александр Дмитриевич был сторонником нового тогда метода лечения — физиотерапии. До конца своих дней не порывал он с любимой специальностью. Живя в деревне, он выписывал из Петербурга медицинские журналы, книги, инструменты; охотно и безвозмездно лечил окрестных крестьян, которые относились к нему с уважением и благодарностью. К нему, образованному врачу, нередко приезжали в Кокушкино за советом и консультацией даже из самой Казани.

Земским врачом (одна из первых в России) была двоюродная сестра Ульяновых Анна Ивановна Веретенникова — замечательная представительница разночинной интеллигенции.

Блестяще окончив в 1882 году Женские медицинские курсы в Петербурге, Анна Ива-

новна отвергла лестное предложение — остаться ассистенткой для научной работы на курсах и поехала работать в глухой Белебеевский уезд Уфимской губернии, видя в этом не только свой врачебный, но и гражданский долг.

Анна Ивановна была врачом талантливым, самоотверженным, бескорыстным. Она получала хорошее жалованье — 1500 рублей в год, но большая часть его уходила на приобретение лекарств, перевязочных средств и на содержание оперированных больных, которых, за неимением больницы, она или оставляла у себя на квартире или в специальном помещении, которое сама нанимала для этой цели. Анна Ивановна не роптала: она «не считала себя вправе тратить на свою особу» много денег.

Веретенникова имела участок в 185 деревень и старалась посетить их все — даже самые отдаленные и малолюдные. Об условиях своей работы Анна Ивановна красноречиво писала: «Мне случалось путешествовать в открытой плетенке под таким ливнем, о котором я прежде не имела и понятия, причем смоченная до нитки одежда просыхала на мне прежде, чем представлялась возможность переменить ее, кунаться в речках во время весеннего половодья, сбиваться с дороги во время бурана и снежных заносов, очень нередких в тех краях, подвергаться опасности замерзнуть зимой в степи, встречаться с волками...»

Анна Ивановна разделяла демократиче-

ские идеалы передовой молодежи того времени и потому была особенно близка старшим детям Ульяновых. Анна Ильинична рассказывала, какое большое впечатление произвел на них ее рассказ о приятельнице — сельской учительнице, «идейной народнице», всю себя отдавшей просвещению крестьян и за эту свою деятельность арестованной полицией.

Непосильный труд в тяжелейших условиях надорвал здоровье Анны Ивановны. В 1888 году, 33 лет, она умерла от скоротечной чахотки. В казанском «Волжском вестнике» был напечатан некролог, посвященный благородной памяти А. И. Веретенниковой. Автор его писал, что скончавшаяся «бесспорно принадлежала к числу лучших русских женщин и тружениц науки... Много потеряло земство в лице Анны Ивановны, и много потеряло общество вообще».

Светлый образ А. И. Веретенниковой, ее самоотверженный труд, ее горькая судьба безусловно оказали свое влияние на Ольгу Ильиничну, когда она решала вопрос о своем будущем.

3

Ольга Ульянова быстро вошла в курс студенческой жизни. «Лекций каждый день 3—4, начинаются они с 10», — сообщает она в Симбирск.

На первом курсе физико-математического отделения изучались следующие предметы:

общий курс математики, аналитическая геометрия, алгебраический анализ, дифференциальное и интегральное исчисление, астрономия, механика, физика, химия и физическая география. «У нас,— пишет Ольга домой,— самые интересные лекции — Бекетова — химия. Приборов, конечно, вполне достаточно для всевозможных опытов, и лаборант показывает их хорошо и очень любезно объясняет все, что спрашиваем».

Большое удовлетворение вызывает у нее также «новый предмет — высшая алгебра — и читается хорошо».

Астрономию на Высших женских курсах преподавал академик О. А. Баклунд. Ольга увлекалась астрономией с юных лет. Еще в школьные годы она по совету своей подруги Щербо прочитала книгу Фламмарiona «Небесные светила», в которой находила бездну поэзии. Нравилась ей и книга Ф. Араго «Общепонятная астрономия». В ее списке литературы в студенческие годы есть и другие книги этого автора — «Популярные беседы о научных предметах», «История неба», «Гром и молния». Этой книгой, бывшей в свое время большой новинкой, пользовался Илья Николаевич Ульянов.

Физику на втором курсе читал знаменитый ученый Хвольсон; на первом же курсе, пишет Ольга, физику читают «плохо», она «мало» слушает, «так надо будет заниматься по книгам». Когда Владимир Ильич собирался приехать в Петербург для сдачи государственных экзаменов в университете, она про-

сит привезти ей «Полный курс физики» Гано¹.

Кроме предметов, обязательных для курсисток физико-математического отделения, Ольга Ильинична посещала лекции на словесно-историческом отделении. Она спрашивает сестру Анну Ильиничну: «Кто у вас читал на первом курсе психологию? Теперь здесь читает Введенский». Его лекции собирают огромную аудиторию, но Ольга отзывается о них не очень одобрительно — «слишком популярно». Она сообщает, что на втором курсе Введенский «читает логику, тоже весьма популярно». Час в неделю посвящался рефератам; пока, писала Ольга Ильинична, «был только один: «Изложение и разбор одной главы из «Логики» Милля»».

В целом программа занятий не удовлетворяла Ольгу Ильиничну, ибо в «статусе курсов» во исполнение «высочайшего повеления» на физико-математическом отделении не допускалось преподавание физиологии человека и животных, естественной истории и гистологии.

Ольга Ульянова внимательно прислушивалась ко всем разговорам по важному и волнующему ее вопросу — об открытии в будущем учебном году медицинского факультета. В связи с этим она писала матери:

¹ Этот «Курс» был очень популярен; о нем упоминается даже на страницах романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Базаров, советуя Одинцовой заняться физикой, рекомендует ей учебник Гано.

«Во всяком случае для меня этот год не потерян, потому что и математика, и химия для врача очень нужны, а если я в течение этого года несколько освоюсь с химией, то на медицинском факультете больше будет времени для анатомии и др. наук».

4

Марию Александровну не могло не беспокоить, как устроится юная девушка, впервые покидающая родительский кров и вступающая в самостоятельную жизнь. Ольга Ильинична старается рассеять тревогу матери: «...Милая мамочка, ты знаешь, что я на многое человек безразличный, так что ты напрасно так беспокоишься и заботишься о том, где мне жить. Обедать я буду, где бы ни жила, на курсах, где кормят хорошо и очень дешево»¹.

Ольга бережлива, непритязательна. В другом письме она сообщает домой: «Серое платье не одеваю, так как оно слишком парадно». Зато «юбка совсем хороша», и «хотя я ношу черное платье, но неряшливо никогда

¹ В историческом обзоре Высших женских курсов мы читаем, что «общежитие в общем удовлетворяет слушательниц». Рядом с общежитием курсовая столовая, и большинство курсисток пользуется дешевыми обедами по 16 копеек. По словам автора обзора, это «указывает на материальную необеспеченность слушательниц Высших курсов... Обеды эти по необходимости однообразны и могут удовлетворять лишь неприхотливым вкусам».

не хожу, потому что всегда чищу его щеткой и делаю некоторые улучшения».

Ольга Ильинична жила в общежитии Бестужевских курсов на Васильевском острове, на 10-й линии, в доме 39. Учившаяся одновременно с ней Зинаида Павловна Невзорова вспоминала: «Оля Ульянова — маленькая хрупкая фигурка в... очень скромном платье, с закрученным узлом черных, слегка выющихся волос и умными небольшими, но пронзительными «ульяновскими» глазами».

Общественная деятельница И. К. Цебрикова (в 80-е годы член комитета «Общества для доставления средств Высшим женским курсам») писала о жизни курсисток: «Большинство не имеет никакого обеспечения или крайне ничтожное, которое надо пополнить заработком. Заработок год от года становится скуднее... Надрываться над работой и учиться — двойная затрата сил, и сколько сламывается этих сил! Надо еще взять и то в соображение, что, благодаря дурной подготовке женских учебных заведений, слушание Высших курсов требует усиленного умственного напряжения.

Высшее образование пока многими ценится дороже жизни...»

Когда начала учиться на Высших женских курсах О. И. Ульянова, в студенческом быту мало что изменилось. Правда, общественная помощь приняла более широкий размах и стала организованней. Ольга, получавшая регулярно деньги от матери, не знала той

нужды, которую испытывали другие курсистки, не получавшие помощи из дому.

Однако она тоже стремится иметь заработок, чтобы облегчить положение матери. Ольга Ильинична нашла временную работу у одного доктора. Когда работа закончилась, она пишет матери, что получила восемь рублей: «так что я теперь богата». Она пробовала свои силы и в переводах. В архиве Ольги сохранились два переведенных ею рассказа известного шведского писателя Сигура — «Теща» и «Слишком поздно». Но систематически заниматься переводами не удавалось. Ольга Ильинична писала матери 4 февраля 1891 года: «Книг шведских доставать негде, приходится покупать их в магазине, стоят они дорого, а подходящего для перевода в них мало, так что теперь я уже отказываюсь от дальнейших попыток этого рода».

Ольга Ильинична перевела одну научную статью с английского и сдала ее в журнал «Русское богатство». Редакция помещалась на Песках, Ольга ездила, по ее словам, в эту «ужасную даль» несколько раз, потеряла много времени и денег — и без всякого результата.

Неудача с этим переводом до известной степени характеризовала нравы тогдашней журналистики, о чем не без иронии Ольга писала сестре Анне Ильиничне: ««Рьяный» цензор Р. Б. запретил бедную статью, потому что в научной статье, где трактуется о теориях Дарвина, Уоллеса и Гальтона, не отзываются о браке, как о таинстве. Вообще

теперь на этот счет, т. е. относительно всего, касающегося религии, цензура стала очень строга». Ольга Ильинична приводит слова их родственника М. Л. Песковского, который «острит даже, что «ей-богу» не пропускают...».

Ольга Ильинична сохраняет крепкую связь с родным домом, и забота о близких не покидает ее. С удовлетворением сообщая матери о своих разнообразных занятиях, она замечает: «Жаль только, что ученье это так дорого обходится и что целую зиму не видишься с вами — но тут уже ничего не поделаешь». «Как вы поживаете, дорогая мамурочка? Читает ли тебе кто-нибудь вслух по вечерам?» — спрашивает она Марию Александровну в другой раз.

Ольга испытывала к матери не только глубокую дочернюю любовь, но и преклонялась перед ее душевной силой. Она с радостью выполняет просьбу матери о «переснятии карточки Саши» и ищет в Петербурге фотографию, которая делала бы «увеличенные копии».

Перед отъездом на курсы Ольга Ильинична помогала матери в воспитании младших детей. Она любила, баловала их, на свои скромные карманные деньги покупала им лакомства. И теперь, живя в Петербурге, она не перестает интересоваться школьными успехами младшего брата, радуется, что у Мити нашелся товарищ для игр.

«Что делает в свободное время моя дорогая Марусеничка?» — спрашивает Ольга

Ильинична. «Марусеничка» в свою очередь платила ей нежной привязанностью. В письме, отправленном сестре вскоре после начала учебного года (7 ноября 1890 года), она сообщает новости гимназической жизни: «У нас из французского теперь другая учительница, которая задает очень много и строго спрашивает... Из истории мы учим о Иоанне III, учитель наш г-н Морозов часто спросит какую-нибудь ученицу, она начнет говорить не так, и он целый час объясняет, почему так нельзя сказать...»

Мария делится со старшей сестрой и радостными событиями: ей подарили чижики; в Самару приехал зверинец, и взрослые обещают с ней сходить туда; в семье подписались в библиотеке на 4 книги, теперь она надеется, что и у нее появятся интересные книги для чтения.

Много времени отнимают у Ольги Ильиничны поиски нот для младшей сестры. Когда-то искал для нее в Петербурге ноты и посылал их в Симбирск брат Александр, а теперь она сама бродит по магазинам столицы на Васильевском, Литейном, Невском. Но всюду «очень плохой выбор». «Да, правда,— пишет Ольга Ильинична матери,— Маня теперь как раз играет так, что ей очень трудно найти хорошие вещи: от детских уже она выросла; классические вещи, как Бетховена и Моцарта, начинать ей рано и приходится пробавляться какой-нибудь музыкальной стряпней вроде Бейера». Она высказывает разумные соображения, как

построить дальнейшие занятия: «Я послала ей сегодня 3 вещицы: пусть она попробует разучить сонату Гайдна. Если ей сразу не понравится, то все же посоветуй ей не бросать, потому что это такая вещь, которую надо хорошенько разучить». Ольга подробно пишет матери об имеющихся у них дома «этюдах и пьесах», которые может и должна играть Маня, чтобы «совершенствовать и улучшать свою игру». Советы юной Ольги серьезны и обоснованны.

Ольга охотно выполняет литературные поручения своей старшей сестры и ее мужа М. Т. Елизарова. Она ходит в букинистические магазины, чтобы поискать книги на итальянском языке для Анны Ильиничны. Прекрасно знавшая многие европейские языки, Анна Ильинична изучила и итальянский, перевела на русский язык известную книгу Э. Амичиса «Школьные товарищи», выдержавшую несколько изданий. Анна Ильинична просила сестру прислать ей итальянские книги для чтения и перевода. В одном магазине Ольга Ильинична узнает, что букинист «недавно продал все итальянские книги, какие у него были». Ей «очень досадно», что просьба сестры не выполнена, она заходит в другой магазин, но и здесь «ни Петрарки, ни Боккачио не оказалось».

Ольга Ильинична была в редакции журнала «Детское чтение», куда Анна Ильинична направила рассказ; она осведомляется насчет перевода сестры в журнале «Живопис-

ное обозрение». После посещения этой редакции она так описывает ее: «...господин, с которым я беседовала... достал мне из шкафа все рукописи — оказалось их самое ничтожное количество, — и вообще редакция производит какое-то плачевное впечатление».

Марк Тимофеевич Елизаров послал корреспонденцию в журнал «Северный Вестник». Ольга Ильинична охотно соглашается узнать о ее судьбе: «Заходить в редакцию мне, конечно, не составляет труда, если срочно... концы здесь огромные и приходится ходить пешком...» Спустя некоторое время она пишет сестре: «Скажи Марку, что не грех бы ему написать мне: ведь я все же, хотя без пользы, ходила три раза в редакцию «Северный Вестник». Так люблю письма из дому, что если получу одно лишнее, то буду вполне вознаграждена за это хождение, оказавшееся бесполезным».

Хождение по редакциям наводит Ольгу Ильиничну на грустные размышления. В Самаре она не могла получить места учительницы, так как не имела протекции. Этот же волчий закон, она видит, господствует и в журналах. С горьким чувством говорит Ольга Ильинична о своих наблюдениях: «Если рукопись передает редактору знакомый человек, то редактор относится совсем иначе к рукописи, т. е. прочтет ее внимательно». А без «родного человечка» рукописи «проваливаются» в бездонные редакционные корзины.

«Корпоративный дух», развивающийся между молодыми девушками в стенах высшего учебного заведения, крайне пугал правительственные сферы царской России. Петербургский оберполицмейстер в докладной записке в департамент полиции писал: «главная опасность» в том, что «нигилистическое направление может распространяться неудержимо и здесь иметь все способы созреть во взаимных беседах». Опасность эта сказывается во внешности курсисток... остриженные волосы, очки: «все говорит о принадлежности к петербургскому обществу «нигилисток»».

Ольга Ильинична не была «нигилисткой»: она миловидна, не стрижена, не носит очков. Она очень общительна, у нее веселый, добрый характер. В комнате она живет с другой курсисткой — Ольгой Сергеевной Ростовцевой. Она «очень хорошая девочка», но особой дружбы с ней не получилось. «Зато,— пишет Ольга Ильинична,— я ближе познакомилась с одной словесницей 1-го курса. Она хороший человек, очень много читала и много думала, так что разговаривать интересно. Читаем с ней вместе журналы или какие-нибудь статьи...»¹

Ольга Ильинична жила интересами сту-

¹ Это — Ольга Константиновна Григорьева (Вип-мер); впоследствии она стала марксисткой. В годы революции 1905—1907 гг. ее квартира служила большевистской явкой, где бывал В. И. Ленин.

денческого коллектива. В письмах к сестре она рассказывает: «на курсах устраивается читальня»; «предполагается вечер в пользу недостаточных слушательниц».

Ольга просит «мамурочку» не беспокоиться, музыку она «не забрасывает и даже музицирует» на студенческих вечерах. «Особенным успехом у нас пользуется Бетховен», — замечает Ольга. В другой раз она пишет Анне Ильиничне, что «на курсах был вечер с целью общения курсисток. Было очень оживленно. Началось, конечно, с прений о женском вопросе». Ведь в эти годы вопрос о женском образовании, о женском труде стоял очень остро.

Заметный след оставило собрание, на котором «читали вслух статью «Современная французская молодежь» из февральской книжки «Русской мысли», а затем рассуждали». Ольга Ильинична не сообщает подробностей, но несомненно, что статья затронула всех «за живое». Начать с того, что она, разумеется не случайно, имела подзаголовок: «Посвящается русскому студенчеству».

Вопрос о духовном облике нового поколения, о роли и значении молодежи всегда является актуальнейшим.

Сегодня, писал автор статьи, студенты «живут более или менее замкнуто и обособленно в своей товарищеской среде; но завтра они сойдут со школьной скамьи, выступят активными гражданами на общественную арену, сменят собою теперешних деятелей,

предъявят к жизни свои требования, внесут в эту жизнь свое внутреннее содержание, будут задавать тон в политике, в сфере социальных отношений, в науке, в искусстве. Они рассеются по всем областям мысли и практической деятельности, на все положат резкую печать своего гения, явятся в роли руководителей общественного мнения, будут в известной мере направлять и решать судьбу страны, будут делать историю».

Так определенно и ясно сформулированы в статье надежды, которые возлагает общество на студенческую молодежь, и русскую в том числе.

Основная аргументация автора статьи покоилась на анализе фактов социальной и литературной жизни Франции. Французский писатель Поль Бурже в романе «Ученик» ярко запечатлел образ человека «глубоко несчастного» поколения. На его «нравственную энергию» оказали пагубное влияние события французской действительности. «Пруссак, разгромившие, растоптавшие и принизившие отечество», поражение Парижской коммуны, растленная атмосфера второй империи с ее «проституционной моралью», где «брюшные аппетиты взыграли» и «началась оргия всяческого свинства».

Роман Бурже «Ученик» с его отрицанием науки и научного мышления был проникнут глубоким пессимизмом, общественной инертностью и апологией индивидуализма; главный персонаж романа Робер Грелу, по остроумному определению автора статьи, «са-

мопоклоняющийся эгоист», признающий только «одно отечество в мире», «одного бога» — свое собственное «я».

Ольга Ульянова еще до отъезда на курсы записала в своем дневнике, что читает роман «Le Disciple» Bourget («Ученик» Поля Бурже). Этот факт сам по себе примечателен. Русский перевод романа печатался в журнале «Северный Вестник» (№№ 4, 6, 7, 8) за 1889 год; в дневнике Ольга Ильинична все время дает название романа по-французски; вероятно, она читала его в подлиннике. Роман вызвал во Франции многочисленные отклики, привел к ожесточенной полемике. В России роман тоже привлек к себе внимание, его с большим интересом читал А. П. Чехов. Юноши и девушки, принадлежавшие главным образом к демократической интеллигенции, искали ответ на мучительные, извечные для молодых людей вопросы — куда идти? что делать? зачем жить? Волновали эти вопросы и бестужевки, собравшихся на курсы со всех концов России.

Ольге Ильиничне Ульяновой герой романа Бурже, весь строй его мыслей и чувств был абсолютно чужд, более того — враждебен.

* *

*

С радужными, возвышенными мыслями уезжала Ольга из Самары в Петербург. Она была уверена, что здесь найдет настоящее «дело», приобщится к любимой профессии.

Самозабвенно, с величайшим наслаждением погрузилась девушка в заманчивый мир науки.

Мария Александровна с пристальным вниманием следила за жизнью дочери в столице. Она в курсе всех ее занятий, волнуется, спрашивает, как проводит дочь досуг. «Мамурочка, — отвечает ей Оля, — я не скучаю на праздниках, — для меня они не отличаются от будней почти ничем — только на лекции не ходить», «Вечер я обыкновенно сижу дома и читаю или занимаюсь, книг здесь хороших много».

В архиве Ольги Ильиничны сохранился написанный ею список книг, которые она намеревалась прочитать, изучить, «проработать», что должно было способствовать выработке цельного научного мировоззрения. Тут — серьезные книги по естественнонаучным дисциплинам: «Происхождение человека» Ч. Дарвина, «Рефлексы головного мозга» И. Сеченова, «Жизнь растений» К. Тимирязева. Ольга изучает книгу «Речи и статьи» известного английского физика, сотрудника М. Фарадея — Д. Тиндаля, классические труды: «Основные понятия химии» А. Бутлерова, «Основания биологии» Г. Спенсера и др.

Но наиболее широкие и разносторонние ее интересы относятся к гуманитарным наукам — истории, философии, политэкономии, истории литературы. В списке Ольги Ильиничны сочинения В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова. Творчество революционных

демократов играло большую роль в ее духовной жизни, их книги она всегда хотела иметь «под рукой». Почетное место в «реестрике» Ольги Ильиничны занимают книги Георга Брандеса, популярного историка европейской литературы. Выписывает Ольга и книги Байрона, перед которым преклонялась. Великий английский писатель, его романтический пафос и свободолюбие волновали все молодое поколение. Попали в «реестрик» Ольги Ильиничны книги Людвига Берне и Генриха Гейне.

Сохранилась тетрадь О. И. Ульяновой «Заметки о практическом преподавании русского языка», а также тетради по изучению ею иностранных языков. Большинство записей (слова, прозаические отрывки, стихи) относятся к шведскому языку, которым усиленно занималась Ольга Ильинична в последний год перед поступлением на курсы. В тетрадях много выписок из стихотворений Байрона на английском языке.

Привлекает внимание круг чтения по истории, намеченный Ольгой Ильиничной. Здесь есть книги по истории античного мира, «История Греции» крупного немецкого буржуазного историка Э. Курциуса, капитальный труд по истории 18-го и 19-го веков Ф. Шлоссера, «История французской революции» Т. Карлейля и Ж. Мишле, «История умственного развития в Европе» Ф. Гизо, «Письма об Англии» Л. Блана и др.

История родной страны, пути ее развития, ее будущее — вот вопросы, которыми глубоко

ко интересовалась передовая молодежь. Не удивительно, что «русские» книги составляли значительный раздел «литературной памяти» Ольги Ульяновой.

В архиве Ольги Ильиничны сохранилась и тетрадка, на которой ею написан заглавный листок — «Конспект лекций по русской истории Ключевского». Программа по Русской Истории. Введение. Период первый (VIII—XII); Период второй (XII—XV).

Помимо книги В. О. Ключевского «Боярская дума в древней Руси», в ее списке «История русской жизни» Е. И. Забелина, «Общественное движение при Александре I» Н. А. Пыпина, много книг, связанных с положением и историей крестьянства: книга Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» В. И. Семевского.

В соответствии с общественной направленностью своих интересов Ольга Ильинична заносит в список книги, связанные с историей общины. Книга В. Н. Григорьева «Переселения крестьян Рязанской губ.» содержала огромный статистический материал. В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин неоднократно цитировал ее. Ольга Ильинична внимательно читает труд М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения».

Она делает выписки из этой книги и на обороте одной странички помечает: «Статьи

для сравнения хода истории крестьянского вопроса у нас и в Западной Европе: «История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 г.» Лучицкого (Киевские университетские «Известия», 1878 г., № 10—12; 79 г., № 2; 80 г., № 11; 81 г., № 2 и 3)».

Ольга Ильинична стремилась овладеть всем намеченным объемом знаний. Но не всегда она соблюдала строгую и точную последовательность в занятиях. Так, накануне студенческих каникул, во второй половине декабря 1890 года, Ольга пишет брату: «Мои занятия математикой на время праздников вполне прекращаются, и занимаюсь я науками, так сказать, гуманитарными, ибо они более праздничному времени соответствуют. Читать систематически, отдав предпочтение индуктивному методу перед дедуктивным, все больше еще намереваюсь, чем читаю».

Ольга рассказывает Владимиру Ильичу, что прочитала Фукидида по-немецки и находит, что он «очень интересен и полезен». После этого она прочитала 2 тома русской истории с «древнейших времен» С. М. Соловьева и «принялась за Зибера».

Ольга Ильинична интересовалась и вопросами политической экономии. В ее списке литературы — труды Д. С. Милля, Ф. Лассалья, книги русских экономистов: «Синтез учений экономической политики» И. И. Иванюкова, «Экономическая ответственность предпринимателя» В. Г. Яроцкого и др.

Разнообразны книги по философии, числящиеся в ее «реестрике», — ряд трудов

Товары.

1. Характеры товарного производства

Маркс ~~задал~~ ^{ставит} в «Капитале» ~~исследованье~~ ^{исследование} капиталистических способов производства, господствующих в настоящее время. Маркс не изучает в этом произведении законов природы, лежащих в основании процесса производства ^{исслед.} ~~исслед.~~ ~~задачи~~ составляет одну из задач механики и физики, но не политических экономии. С другой стороны Маркс не ставит своей задачей исследование только тех форм производства, которые были известны народам, но и то такое исследование ведет во многом частью к изданию общих законов вроде того, что человека не овладели для производства орудий, земли и ~~продукта~~ ^{средства} ~~продукта~~ ^{продукта}.

Из конспекта главы «Капитала» К. Маркса,
сделанного О. Ульяновой.

Г. Спенсера, «Мир, как воля и представление» А. Шопенгауэра, «Гениальность и помешательство» Ч. Ломброзо. Она читает книгу «Пессимизм в XIX веке» французского философа Е. Каро, яркого борца против материализма. Для знакомства с психологией она выписывает книги Рибо — «Психология внимания» и другие. Ольга Ульянова читает книги «столпов» народнической философии — Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова.

Но чтение самой разнообразной литературы «по системе» и без нее не было для Ольги самоцелью. Она пишет Владимиру Ильичу: «...с одной стороны, надо сознаться, что книг хороших и стоящих прочтения много, то, с другой стороны, и в словах Шопенгауэра есть правда, когда он говорит, что нужно меньше читать и больше думать. А думать в настоящем смысле слова гораздо труднее, чем читать». А думать необходимо: думать должно было повлечь за собой дело.

Конец 80-х — начало 90-х годов — период полного идейного крушения народничества. Передовая молодежь искала революционную теорию, которая указала бы ей «доблестный и благородный путь» служения народу. На пути исканий была и Ольга Ульянова.

Ольга писала Владимиру Ильичу: «Интересно бы поговорить по всяким «вопросам», да как-то не клеится в письме». Несомненно, что под словом, взятым в многозначительные кавычки, кроется что-то очень важное, что прочными нитями связывает ее с любимым братом.

Г. М. Кржижановский оставил яркую и верную характеристику настроений петербургского студенчества в начале 90-х годов. Он писал: «Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолобивые блески публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюры из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», — вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолобцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса — его «Капитал»».

Важнейшим фактом идейной биографии Ольги Ильиничны является ее знакомство с теорией марксизма, с трудами основоположников научного коммунизма. Ольга Ульянова знала книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; вместе с братом — еще на Алакаевском хуторе — читала «Нищету философии» К. Маркса; в Петербурге она изучала «Капитал» Карла Маркса — в ее бумагах сохранился конспект III главы первого тома.

Когда Владимир Ильич весной 1891 года приехал в Петербург, он часто навещал свою

сестру в общежитии Бестужевских женских курсов. Здесь с ним познакомилась Олина подруга — Зинаида Павловна Невзорова. Она пишет в своих воспоминаниях: «...сестра страшно высоко его ценила и, по-видимому, по его советам и указаниям работала».

О принадлежности Ольги к передовым студенческим кругам говорит такой факт. Весной 1891 года наиболее сознательные пролетарии Петербурга и студенческая молодежь чествовали соратника Н. Г. Чернышевского — знаменитого писателя и общественного деятеля революционера-демократа Николая Васильевича Шелгунова. Среди самых теплых приветствий, посланных тяжело больному Н. В. Шелгунову, было и приветствие студенток Бестужевских курсов. Они горячо благодарили писателя за то, что его произведения будили общественную мысль; они звучали «как неустанное искание истины во имя любви к родине, ко всему человечеству».

Курсистки заканчивали свой адрес: «Пусть это благоговейное отношение ко всему, что Вам было дорого, всегда и свято напоминает Вам... о том читателе, в существовании которого так трагично, с такой болью сомневался великий сатирик». Речь идет о Салтыкове-Щедрине. Бестужевки тем самым подчеркивают в своем послании, что они разделяют общественные позиции любимого писателя.

Это приветствие Н. В. Шелгунову подпи-

сали почти 70 курсисток. Одной из первых стоит под ним подпись Ольги Ульяновой.

Ольга всячески старалась помочь брату, готовившемуся сдать экстерном государственные экзамены в Петербургском университете. По его просьбе она высылала книги: курс известного русского криминалиста профессора И. Я. Фойницкого, лекции профессора Н. М. Коркунова «Русское государственное право». Она выполняла и другие его «книжные» поручения; их было так много, что она наконец «взмолилась» и просит Владимира Ильича: «Вообще напиши мне что-нибудь, только уже не о книгах: мне они просто надоесть успели, лежат у меня на полке: столько я писала тебе и себе для памяти реестриков!»

Для того чтобы брат успешно сдал экзамены, важно было предусмотреть все организационные вопросы, и Ольга пишет матери: «Не лучше ли бы Володе написать прямо мне: у меня есть знакомые — юристы; может быть, я скорее узнаю через них». Она все выясняет четко, быстро, не задерживает ответ: «...советую Володе нашему немедленно ехать сюда, так как экзамены начинаются 4-го апреля и может выйти очень неудобно для него, если он приедет позже, чем бы надо... Экзамены сдавать Володе, вероятно, не трудно будет, т. е. не особенно трудно, потому что профессора, говорят, многое выпускают к экзамену из своих курсов и вообще предъявляют не слишком много требований».

Из писем Ольги к матери мы узнаем некоторые подробности о пребывании Владимира Ильича в Петербурге. 1 апреля она пишет Марии Александровне:

«Володю я видела третьего дня — была у него. Комната, которую он снял, мне нравится; особенно хорошо для него, мне кажется, то, что в квартире его тихо, так что ему удобно будет заниматься. Он, вероятно, уже писал тебе, что прошение его было принято (да и сейчас еще секретарь принимает прошения) и что хотя срок на подготовку к экзаменам сокращен, но требования, по-видимому, не особенно велики, так что он надеется, что успеет подготовиться. Вероятно, писал также, что обедать ходит в нормальную столовую».

Через несколько дней Ольга Ильинична торопится ответить на полные беспокойства о Володе письма матери: «Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя олицетворенное благоразумие, а, во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил по 5... Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следовательно, прогуливается».

Весна 1891 года была очень напряженной и для самой Ольги Ильиничны. Ей предстояло сдать экзамены по следующим предме-

там: «Аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве», «Химия», «Высшая алгебра» и «Введение в анализ». Последний экзамен — по физике — был назначен на 7 мая.

Жизнь казалась удивительной, многообещающей. Впереди — надежда на отдых, на счастливое свидание с родными. Ольга Ильинична пишет матери о своем намерении пригласить в Алакаевку одну курсистку из Иркутска, которой негде провести летние каникулы, благодарит за присылку ей 30 рублей на дорогу: «Дорогая мамочка, ты, вероятно, считаешь, что я поеду по железной дороге. А я подумывала, не ехать ли на Рыбинск, так как, кажется, при этом выходит порядочная экономия денег».

Она пишет, что Владимир Ильич после сдачи очередного экзамена пришел к ней. «Мы ходили с ним гулять по набережной Невы — смотрели на ледоход». Погода здесь — «совершенная весна».

Могла ли она думать, что это последняя весна в ее жизни? Что она в последний раз гуляет с любимым братом по улицам Петербурга? Могла ли она думать, что ей больше не суждено будет любоваться Невой, увидеть родную Волгу?

В апреле Ольга Ильинична заболела брюшным тифом. Владимир Ильич отвез ее в Александровскую больницу, часто навещал, трогательно заботился. Домой, в Самару, он отправил телеграмму: «У Оли брюшной тиф, лежит в больнице, уход хоро-

ший, доктор надеется на благополучный исход»... Но брюшной тиф осложнился рожей, и вскоре от Владимира Ильича пришла другая телеграмма: «Оле хуже, не лучше ли маме ехать завтра»...

8 мая 1891 года на руках матери и брата Ольга Ильинична скончалась¹.

10 мая Ольгу хоронили на Волковом кладбище. Был ветреный, сырой петербургский день. Подруга О. И. Ульяновой З. П. Невзорова много лет спустя вспоминала: «Идти было трудно... Я осторожно вела под руку мать Оли, Марию Александровну Ульянову, с другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич. Она шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой и лишь изредка из-под полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки. У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И все это на коротких отрезках времени! Слишком много для од-

¹ По трагическому совпадению Ольга Ильинична скончалась ровно через четыре года после казни Александра Ильича.

ного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы. И мы все молчали. Я чувствовала, какой страшной скорбью полно ее сердце, как грубы и неуместны были бы всякие слова утешения, и только крепче прижимала к себе руку».

* *

Осенью 1891 года Владимир Ильич приехал в столицу для сдачи оставшихся экзаменов и сдал их блестяще. Из тридцати трех человек, экзаменовавшихся вместе с ним в одной группе, только девять человек получили дипломы первой степени.

Хлопоты матери, его напряженный труд наконец счастливо завершились. Радость Владимира Ильича была омрачена только тем, что в Петербурге он был один. Неотступно витала перед ним тень погибшего брата, пламенного революционера; не мог забыть он сестру Ольгу, с которой совсем недавно делился своими мыслями, планами.

Владимиру Ильичу хотелось как можно больше узнать о своих близких в последние годы их жизни. Он посетил С. Ф. Ольденбурга, будущего академика, приват-доцента Петербургского университета. С. Ф. Ольденбург вместе с Александром Ильичем участвовал в студенческом научно-литературном обществе; знал он и Ольгу Ильиничну — по Бестужевским курсам. С. Ф. Ольденбург рас-

сказывал, что у него сохранилось воспоминание об Ольге «как об удивительно милом, скромном и молчаливом существе,— она хотела учиться и много занималась».

В 1893 году, переехав в Петербург, Владимир Ильич навещает могилу сестры. Он пишет матери: «На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности — и крест и венок». Владимир Ильич тяжело переживал смерть любимой сестры.

* *

*

Шли годы. Партия большевиков — создателем и вождем ее был Владимир Ильич — стояла во главе революционного движения России. Все члены семьи Ульяновых — Анна Ильинична, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич — были самоотверженными, активными деятелями партии.

Ольга Ильинична скончалась, не успев претворить в жизнь свои мечты о служении народу. Ее ближайшие подруги по Бестужевским курсам — З. П. Невзорова, А. А. Якубова стали марксистками и приняли самое активное участие в созданном В. И. Лениным в 1895 году петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Анна Ильинична, старшая сестра, уважала цельный характер Оли, понимала ее глубокие идейные искания и потому с полным основанием писала: «Из нее вышла бы несомненно выдающаяся и преданная революционерка».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	34
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	46
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	64
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	98

*Роза (Рахиль) Ароновна
Ковнатор*

ОЛЬГА УЛЬЯНОВА

Издание 2-е

На первой странице обложки
фото Ольги Ульяновой
и семьи Ульяновых

Заведующая редакцией *А. Т. Шаповалова*

Редактор *Т. Е. Яковлева*

Младший редактор *Н. М. Жилина*

Оформление серии художника *В. И. Терещенко*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 1868

Сдано в набор 29.05.78. Подписано в печать 19.09.78. А00169.
Формат 70 × 90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,12. Учет-
но-изд. л. 4,48. Тираж 200 000 (1—50 000) экз. Заказ № 2941.
Цена 20 коп., в целлофанированной обложке 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16,

Старый Симбирск. Так выглядел город в годы детства и юности Ольги Ульяновой.

Мариинская женская гимназия в Симбирске.
Здесь учились сестры Ульяновы — Анна и Ольга.

Володя и Оля Ульяновы в раннем детстве.

Ольга Ульянова в возрасте 12 лет.

8^е Января.

Прочитала „18-й ступень“ Чужкина

и „Легенда о царевиче Салтане“
Арсеньева в В. Европе

Бокль (Ист. цивилизации)

стр. 160.

по-шведски-1 страницу.

„Maltravers“ 1 страницу.

Беллериуссика.

Le Disciple Bourget.

19^е Бокль, стр 232 -

Maltravers 1 страни

Заметки из Ribot.

Беллериуссика.

Le Disciple Bourget.

Занималась с Маней

утром и вечером

25 коп.

Серия
«СЕМЬЯ
УЛЬЯНОВЫХ»

ОТЕЦ
ПОВЕСТЬ
О МАТЕРИ
АЛЕКСАНДР
УЛЬЯНОВ

А.И.УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА

ОЛЬГА
УЛЬЯНОВА

М.И.УЛЬЯНОВА

МЛАДШИЙ
БРАТ